

ЦЕНА ВЫХОДА ИЗ ЛЕСА

МИРА РАНСКАЯ

Мира Ранская

Цена выхода из леса

«Автор»

2026

Ранская М.

Цена выхода из леса / М. Ранская — «Автор», 2026

В пограничной деревне Кромка лес возвращает заблудившихся только за умение, которое человек точно назвал и добровольно отдаёт навсегда. Травница Варвара Лозина привыкла доверять старшему цеха: лишь он знает, как выбрать наименее губительную цену. Но после исчезновения шестерых сборщиков выясняется, что безопасное знание давно стало товаром, а семейный дом Варвары стоит на земле, уже отданной лесу. Чтобы вывести людей, Варваре придётся открыть цеховую тайну, самой заплатить частью ремесла и отказаться от дома, купленного чужой утратой. Однако даже точное название не делает цену малой, а спасение не даёт права решать за другого. «Цена выхода из леса» — самостоятельный роман о ремесле, семейной памяти и праве сказать «нет», когда все вокруг уверены, что знают, чем вам лучше пожертвовать.

© Ранская М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Тропа, которой не было	6
Глава 2. Цена простого свиста	13
Глава 3. Дом за межой	21
Глава 4. Шесть имён в лесу	27
Глава 5. Умение имеет края	37
Глава 6. Книга деревянных зарок	46
Глава 7. Первая связка	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Мира Ранская

Цена выхода из леса

От автора

Есть знания, которые спасают жизнь. Есть знания, которыми удобно владеть в одиночку. Иногда это одно и то же знание — и тогда спор о помощи быстро превращается в спор о власти.

В этой истории лес не злой и не добрый. Он держит слово буквально: заблудившийся может раньше времени вернуться за умение, которое сам назвал, понял и согласился отдать. Но честно названная цена ещё не становится лёгкой или справедливой. Человек может согласиться от страха, голода, заботы о близких. Тот, кто знает больше вариантов, получает власть над его выбором, даже если не произносит ни одной лжи.

«Цена выхода из леса» — роман о травнице, семейном доме и ремесле, которое невозможно отделить от памяти рук. Здесь спасение не отменяет утрату, открытое знание не гарантирует мудрости, а отказ от сделки не делает человека виноватым перед теми, кто его ждёт.

Мне хотелось написать о границе между помощью и распоряжением чужой жизнью. Эту границу легко потерять, когда торопишься сделать добро. Найти её снова можно только там, где другой человек сохраняет право понять, выбрать и сказать «нет».

Глава 1. Тропа, которой не было

Корзины стояли посреди тропы, будто люди поставили их отдохнуть и забыли вернуться. Шесть штук. Две плетёные из тёмной лозы, три берестяные, одна с новым ореховым ободом. В первой лежали лисички, ещё влажные от росы. Во второй — нож, краюха хлеба и свёрнутая красная нить. Остальные были пусты.

Варвара присела, не переступая через рассыпанные грибы.

— Не трогай, — сказала она.

Ясна уже протянула руку к ножу, но остановилась.

— Я только посмотрю клеймо.

— Глазами.

На костяной рукояти темнела буква «М». Нож принадлежал Марене, ткачихе с нижней улицы. Красную нить та всегда носила с собой и завязывала на ручке корзины, чтобы дети не спутали её с чужой.

Ясна выпрямилась. Ей было двадцать, и она давно не нуждалась в напоминаниях, как вести себя у лесной межи. Но сегодня пальцы у неё дрожали.

— Марена собирала сыроежки у Двух Пней. Здесь ей делать нечего.

— Здесь никому из них делать нечего.

Варвара назвала корзины по плетению. Ореховый обод делал кузнец Боривой: толстые пальцы не слушались тонкой лозы, поэтому верх он стягивал деревом. Узкие смоляные полосы принадлежали братьям Тишу и Климу. Зелёный лоскут был Велениным. Последнюю корзину, прямую и некрасивую, плёл землемер Радогост, не доверявший вещам, которые нельзя поставить рядом с мерной палкой.

Шестеро взрослых вышли утром разными дорогами.

Все корзины оказались здесь.

Старая тропа к Лисьей прогалине шла правее, между берёзой с двойным стволом и камнем, похожим на согнутое колено. Варвара ходила по ней с детства. Сегодня камень лежал на месте, берёза белела в трёх шагах, но земля между ними заросла папоротником по пояс. Ни сломанного стебля, ни следа подошвы.

Зато слева начиналась новая тропа.

Она была узкой, сухой и чистой. На мягкой хвое не лежало ни одной ветки. Корни по краям выступали ровными дугами, словно кто-то обмёл их веником. Тропа уходила туда, где по всем деревенским картам стояло Чёрное мочило — топкое место, которое обходили даже зимой.

Ясна шагнула ближе.

Варвара схватила её за локоть.

— Я не переступила.

— Уже выбрала ногу.

Племянница посмотрела вниз. Правая ступня действительно стояла носком к новой тропе.

— Лес зовёт?

— Лес ничего не делает одним голосом. Иногда зовёт. Иногда показывает то, что ты сама хочешь увидеть.

— Я хочу увидеть Марену.

— Поэтому отойди.

Они попятились до межевого столба. Когда-то столб был ростом с Варвару; теперь сгнил до плеча и наклонился к деревне. На стороне леса вырезали три листа, на стороне людей —

открытую ладонь. Варвара положила свою ладонь в выемку. Дерево оказалось холодным, хотя солнце уже поднялось над крышами Кромки.

— Шестеро вошли? — спросила она.

Лес не отвечал словами. В глубине один за другим хрустнули шесть сучьев.

Ясна выдохнула.

— Живы?

Тишина.

— Не спрашивай одним словом о шести людях, — сказала Варвара. — Даже человек так не ответит честно.

Она достала из поясной сумки белую полынь, растёрла лист между пальцами и коснулась межевого столба. Полынь не была платой. Запах помогал не спутать лесную мысль со своей: горький, холодный, узнаваемый.

— Марена Мшистая вошла на своих ногах?

Один хруст.

— Боровой Железник вошёл на своих ногах?

Один хруст.

Так Варвара спросила о каждом. На имени Радогоста лес ответил не сразу. Сначала зашуршал папоротник, потом хрустнула ветка далеко слева.

— Что это значит? — прошептала Ясна.

— Что лес слышит имя. Больше ничего.

— Надо идти за ними.

— Надо позвать связку и узнать, куда выходят корни. Если войдём вдвоём, на тропе станет восемь корзин.

Они уже собирались отступить, когда из леса донёлся свист.

Три короткие ноты, одна длинная. Деревенский зов: «Я здесь».

Ясна рванулась вперёд. Варвара удержала её обеими руками. Свист повторился, сбился и перешёл в плач.

Плакал ребёнок.

— Это Лучик, — сказала Ясна. — У него передний зуб выпал, он на высокой ноте воздух теряет. Я слышу.

Лучик, восьмилетний сын мельника, не числился среди утренних сборщиков. Он должен был носить щепу у отцовского двора.

— Лучезар! — крикнула Варвара, не сходя с человеческой стороны межи. — Не иди на мой голос. Стой там, где стоишь. Что под ногами?

Плач смолк.

— Корень.

— Какой?

— Большой.

— Это я поняла. Сухой или мокрый?

— Сухой. Тут светится.

Ясна прижала ладонь ко рту.

Светились корневые узлы, в которых лес держал отданные умения. Варвара видела их дважды. Первый раз, когда старик Белян отдал умение различать голоса своих овец и вышел после трёх суток блуждания. Второй — когда молодая повитуха назвала цену слишком широко и вместе с умением переворачивать ребёнка в утробе потеряла ловкость обеих рук. Устин тогда сказал, что она сама произнесла слова. Словно это делало его совет безупречным.

— Лучезар, ты видишь тропу к нам?

— Вижу. Она назад идёт.

— Не ступай. Сначала посмотри по сторонам. Есть взрослые?

Мальчик шмыгнул носом.

— Тётка с косой сидела. Потом ушла за деревья. Дядька ругался. Ещё кто-то стучит.

Марена носила косу до пояса. Стучать мог Боривой, проверявший лес молотком, будто всякая беда была плохо подогнанной подковой.

— Как ты попал внутрь?

— За котёнком пошёл.

— Котёнок где?

— Убежал домой.

Ясна выругалась вполголоса.

— Значит, тропа открывалась у мельницы.

Новая тропа могла выставить начало в любом месте вдоль межи. Пока они бежали сюда по следу сборщиков, ребёнок вошёл с другой стороны.

— Лучезар, тебе холодно?

— Нет.

— Болит что-нибудь?

— Коленка. Я упал. Тётя Варя, я выйду?

Варвара не ответила сразу.

Лес Отдающий мог разомкнуть тропу через час, неделю или весной. Иногда заблудившийся находил выход сам, ничего не потеряв. Иногда слышал деревню за тремя соснами и старился между ними на целую зиму. Раньше срока лес возвращал за умение.

Только за своё. Только названное. Только если человек понимал, что больше никогда не сможет сделать то, что отдаёт.

Восьмилетний мальчик понимал слово «никогда» хуже, чем расстояние до завтрашнего завтра.

— Мы будем тебя выводить, — сказала Варвара. — Пока сядь на корень. Не ешь ягод. Не трогай светлые узлы. Если увидишь взрослого, позови, но не сходи с места.

— Я уже трогал.

— Что именно?

— Узел. Он тёплый.

— Рука цела?

— Цела.

— Отпусти его.

— Я отпустил.

Из леса донёсся другой звук. Низкий, похожий на скрип двери под землёй. Новая тропа дрогнула. Папоротник по краям развернул листья к мальчику, которого Варвара не видела.

— Оно спрашивает, — сказал Лучик.

— Что?

— Что я умею.

— Ничего не называй.

— Я сказал, что умею свистеть.

У Варвары пересохло во рту.

— Какими словами?

— Просто. Я умею свистеть громко, с пальцами. Папа научил.

— Лес спросил, отдашь ли ты это умение?

— Спросил.

— Ты ответил?

Тишина длилась слишком долго.

— Я сказал, если домой.

Ясна закрыла глаза.

— Лучезар, послушай меня внимательно, — сказала Варвара. — Лес может вернуть тебя сейчас. После этого ты никогда не сможешь свистеть с пальцами. Ни тихо, ни громко. Даже если отец покажет снова. Ты понимаешь?

— А без пальцев?

— Пока не знаем. Ты назвал только свист с пальцами?

— Да.

— Повтори точные слова.

Мальчик повторил. «Умею свистеть громко, засунув два пальца в рот, как папа на мельничном дворе».

Граница была узкой. Не всякий свист, не музыка, не дыхание, не память об отце. Варвара почувствовала облегчение и тут же разозлилась на себя. Ребёнок всё равно отдавал часть прожитой жизни, а она уже считала цену удачной.

— Ты можешь не соглашаться, — сказала она. — Мы принесём еду. Будем искать тебя. Тропа может открыться сама.

— Когда?

— Не знаю.

— До ночи?

— Не знаю.

— А мама знает, где я?

— Сейчас узнает.

Лучик всхлипнул.

— Я хочу домой.

— Я слышу. Скажи ещё раз, что потеряешь.

— Свист. Тот, папин. Навсегда.

— А что получишь?

— Выйду сейчас к вам.

— Тебя никто не заставляет?

— Нет. Только я боюсь.

Лес заскрипел снова.

Варвара стиснула межевой столб. Страх не делал согласие свободным, но лес не умел отличать страх перед тьмой от приказа человека. Он слышал точность. Понимание. Произнесённое «да».

— Я отдаю умение свистеть громко с двумя пальцами, как папа на мельничном дворе, — сказал мальчик. — Получаю тропу домой сейчас.

На новой тропе что-то вспыхнуло.

Свет прошёл под корнями от глубины леса к меже. Не огонь — бледная зелень весеннего сока. Папоротник лёг на землю. Между стволами появился Лучик: грязный, с разодранной коленкой, обе руки прижаты к груди.

— Иди шагом! — крикнула Варвара. — Не беги.

Он побежал.

Тропа качнулась под ногами. Корни потянулись к его щиколоткам, но мальчик перескочил последний и упал на человеческой стороне. Ясна подхватила его, Варвара перерезала ножом длинную траву, обвившую сапог.

За межей новая тропа сразу потемнела. Папоротник поднялся. В глубине между корнями засиял ещё один узел — маленький, яркий, пульсирующий в такт дыханию Лучика.

Мальчик заревел и уткнулся Ясне в плечо.

— Всё, ты вышел, — сказала она. — Ты дома.

— Не всё, — ответила Варвара.

Она осмотрела колено, зрачки, язык, заставила назвать своё имя, мать, двор и вчерашний ужин. Лучик отвечал правильно. Только всё время касался губ пальцами.

— Попробуй не сейчас, — попросила Варвара.

Он уже засунул два пальца в рот и выдохнул.

Получилось влажное шипение.

Лучик переставил пальцы, вытянул губы, набрал больше воздуха. Шипение стало громче, но нота не родилась. На третий раз мальчик закашлялся.

— Я забыл как.

— Ты помнишь, как делал?

— Вот так. — Он снова показал. — Я же делаю.

— Помнишь, но не умеешь.

— Папа научит.

Варвара не сказала, что отец не научит. Не здесь, у пустых корзин, пока лес слушает каждое слово. Но лгать тоже не стала.

— Пойдём к нему. Потом попробуете вместе.

Со стороны деревни уже бежали люди. Первым — мельник без шапки, за ним мать Лучика, Дарья и Ратибор с мотком верёвки через плечо. Дальше шли семьи пропавших. Кто-то успел ударить в малый колокол, и теперь Кромка стекалась к межевому столбу.

Мать Лучика вырвала сына у Ясны, обняла, оттолкнула, оглядела и снова обняла.

— Где ты был? Что отдал? Кто позволил?

— Я сам, — сказал мальчик. — Свист. Только папин свист.

Мельник побледнел.

— Ерунда. Заново покажу.

Он сунул два пальца в рот. Свист прорезал воздух так резко, что люди вздрогнули. Лучик улыбнулся, повторил движение и снова только зашипел.

Отец показал медленнее. Как сложить язык. Куда поставить пальцы. Как втянуть щёки. Мальчик видел, понимал и не мог заставить тело выполнить знакомое.

— Устал, — сказал мельник. — Дома получится.

Никто не стал спорить.

Маренин муж поднял её корзину.

— Она там?

— Лучик видел женщину с длинной косой, — ответила Варвара. — Ещё слышал стук. И шестеро вошли разными местами, но лес собрал их корзины здесь.

— Значит, есть одна тропа.

— Значит, корзины на одной тропе. Люди могут быть на разных.

— Веди нас.

Ратибор уже разматывал верёвку. Он вбил бы колья, связал людей и вошёл первым, если бы ему дали одно ясное место для удара. Но новая тропа исчезла. Перед ними снова рос папоротник, нетронутый и старый.

Варвара показала, где стоял Лучик.

— Мы дождёмся ответа связки, проверим три входа и пойдём шестью людьми. У каждого будет обратная верёвка и запас еды.

— Пока вы проверяете, Марена назовёт лесу первое умение, какое вспомнит.

— Поэтому позовём её от межи.

— Ты мальчика чуть не оставила там из-за правильных слов!

Маренин муж шагнул к Варваре, но Ратибор встал между ними.

— Она вывела его.

— Он сам заплатил.

— Именно, — сказала Варвара. — Сам. Мы не можем отдать за Марену то, что принадлежит ей, и не можем решить, без какого умения ей жить.

— Устин может.

Имя старшего раздвинуло толпу лучше окрика.

Устин Вейник шёл от деревни не спеша. На нём был серый цеховой плащ, застёгнутый деревянной пряжкой в форме раскрытого корня. За ним двое подмастерьев несли длинный ларь. Варвара знала этот ларь: внутри лежала деревянная книга зарок, где записывали принятые лесом названия.

Устин остановился возле корзин и сразу увидел новый узел в глубине.

— Кто назвал цену без свидетеля цеха?

Мать Лучика прижала сына крепче.

— Он потерялся. Варвара говорила с ним.

— Варвара состоит в цехе?

— Я травница, — сказала она.

— Не всякий, кто знает травы, умеет назвать границы ремесла.

— Цена была узкой. Свист с двумя пальцами, которому научил отец.

Устин посмотрел на мельника.

— Покажи мальчику.

Тот показал. Лучик попытался. Воздух с шипением вырвался между пальцами.

— Память сохранена, движение утрачено, — заключил Устин. — Лес принял точное название.

Он произнёс это так, словно проверял хороший шов.

— Там шестеро, — сказал муж Марены. — Открывай книгу.

Устин положил ладонь на крышку ларя.

— Открою для каждой семьи после записи обязательства.

— Какого ещё обязательства?

— Поиск потребует цеховых людей, запасов, свечей, мазей и знаний, которые собирали не один век. Три года работы на лекарственном огороде с каждого спасённого либо равная доля землёй.

По толпе прошёл шум.

— Ты сначала выведи, — крикнул кто-то.

— Сначала семья подтверждает цену моей помощи. Лес учит нас не прятать условия.

Варвара смотрела на закрытый ларь. Устин не лгал. Он заранее назвал, что отдаёт и что хочет получить. Магия честного обмена позволяла быть жестоким совершенно открыто.

— А если семья не согласна? — спросила она.

— Ждёт естественного выхода.

— Или ищет без тебя.

Устин перевёл взгляд на неё.

— Без книги ты не отличишь умение узнавать одну траву от умения узнавать ядовитое. Не поймёшь, где название потянет память учителя, а где только движение пальцев. Открытое незнание калечит не хуже тайной цены.

— Тогда открой книгу, чтобы знали не только твои люди.

— Нож тоже полезен. Ты не раздаёшь ножи детям.

Лучик услышал и спрятал руки за спину.

— Он не ребёнок для твоего примера, — сказала Варвара. — Он человек, который уже заплатил.

Устин кивнул подмастерьям.

Те вынули из ларя четыре окрашенных кола и вбили по краям исчезнувшей тропы. Между кольями натянули жёлтый шнур с цеховыми узлами.

— До полудня вход закрыт, — объявил старший. — После полудня идут только цеховая связка и те, чьи обязательства записаны.

Ратибор сжал верёвку.

— Лес не твой.

— Лес — ничей. Вход на деревенской земле, а за безопасность у межи отвечает цех.

Варвара посмотрела на столб. Его человеческая сторона с открытой ладонью почти сгнила. Корни под ним приподняли землю, и в щели показалась другая зарубка — старая, тёмная, уходящая под мох в сторону деревни.

Межа когда-то проходила не здесь.

Она проследила линию взглядом. Зарубка указывала прямо на дальнюю улицу Кромки, где за орешником стоял дом Лозиных.

Устин заметил, куда она смотрит.

— Не сейчас, Варвара.

— Что не сейчас?

— Разговор о твоей земле.

Он знал.

В лесу снова застучал Боривой. Три удара, пауза, ещё три. Ратибор ответил, ударив рукоятью топора по межевому столбу.

Устин натянул жёлтый шнур поперёк тропы.

Шестеро живых людей услышали деревню.

Деревня услышала их.

Между ними встали закрытая книга и цена, которую назначил человек.

Глава 2. Цена простого свиста

Лучик проснулся от свиста мельничного колеса.

Так он сказал Варваре, когда она пришла к ним на рассвете. На самом деле свистело не колесо, а щель в раме: ночной ветер тянулся через неё тонкой нотой, и мальчик, ещё не открыв глаз, сунул пальцы в рот, чтобы ответить. Тело вспомнило желание раньше головы. Воздух прошёл между пальцами с мокрым сипом.

Тогда Лучик закричал.

Теперь он сидел на лавке возле печи, завёрнутый в отцовский полушубок, хотя в доме было жарко. На столе перед ним лежали две деревянные свистульки, камышовая дудка и вырезанная мельником дощечка. На дощечке отец углём нарисовал рот, язык и два пальца. Рядом стояла миска с водой. По мокрым кругам на столе Варвара поняла, что упражнялись они давно.

— Ещё раз, — сказал мельник.

Его звали Савел, но в деревне чаще говорили просто Мельник, будто ремесло родилось раньше человека и терпеливо ждало, когда тот до него дорастёт. Сегодня ремесло сидело на нём плохо. Рубаха была застёгнута через одну петлю, волосы слиплись от муки, на щеке темнела царапина. Он, должно быть, всю ночь то ходил к меже, то возвращался показывать сыну свист.

— Не надо ещё раз, — сказала Варвара.

— Ты послушай. Сейчас почти выходит.

Савел посадил Лучика прямо, велел упереться ногами в пол и сам показал движение. Губы в кольцо. Язык назад. Два пальца на первую косточку. Короткий сильный выдох.

Свист ударился о печную заслонку.

Лучик повторил всё точно. Варвара видела, как напряглись его щёки, как лёг язык, как грудь выдала воздух. Получился только сип.

Мальчик посмотрел на неё с надеждой, которую она не заслужила.

— Я неправильно язык держу?

— Правильно.

— Тогда почему?

Варвара села напротив. Хотелось взять его за запястья, убрать пальцы от распухших губ, сказать, что на сегодня хватит. Но мальчик спрашивал не о боли.

— Потому что умение ушло в лес.

— Я всё помню.

— Память и умение — не одно. Ты помнишь, как отец свистит. Помнишь, что сам делал вчера. Можешь показать порядок. Но когда нужно собрать язык, пальцы и дыхание в одно движение, они больше не находят друг друга.

Савел стукнул ладонью по столу. Дудка подпрыгнула.

— Руки у него целы. Язык цел. Лёгкие целы. Значит, научится.

— Другому свисту, может быть. Этому — нет.

— Откуда ты знаешь? Старик Белян овец потом различал.

— По биркам на шее. Он выучил метки, рост, походку. По голосам не различал до смерти.

Мельник отвернулся к окну. Щель снова запела от ветра. Лучик быстро накрыл уши полами полушубка.

Его мать Лада стояла у печи, обхватив себя за локти. Ночью Варвара велела ей дать мальчику тёплой воды, промыть колено и не заставлять повторять утраченное. Лада выполнила только первые два совета.

— Может, узел развязать? — спросила она. — Если найти тот корень. Ты же видела свет.

— Узлы не верёвка.

— Но они откуда-то берутся. Значит, можно снять.

— Я не знаю ни одного человека, которому вернули принятое умение.

— Устин знает?

Вопрос прозвучал слишком быстро. Не надежда — уже выбранная дверь.

Варвара посмотрела на Лучика. Он следил за взрослыми, переходя взглядом от одного лица к другому. При нём нельзя было делать его потерю загадочной болезнью, которую старший цеха исцелит за правильную плату.

— Если бы цех умел возвращать узлы, в Кромке не было бы людей с лесными утратами. Устин умеет подбирать более узкое название до обмена. После — нет.

— Он не сказал, что нет, — возразил Савел. — Ночью сказал: утром посмотрит мальчика и сверится с книгой.

— За что?

Лада опустила глаза.

Мельник ответил:

— За два мешка ржаной муки сейчас и по мешку с каждого осеннего помола три года.

Варвара медленно вдохнула. Ночной ветер протискивался в дом, шевелил муку на подоконнике. Белая пыль ползла по дереву к тёмной щели.

— За то, чтобы посмотреть?

— За запись о точном названии. Чтобы знать, что ещё зацепило.

Лучик высвободил голову из полушубка.

— А оно могло ещё что-то забрать?

Савел метнул в Варвару сердитый взгляд: вот, напугала.

— Ты назвал свист узко, — сказала она мальчику. — Мы уже проверили дыхание, речь, глотание. Ты можешь свистеть в глиняную свистульку?

Лучик взял птичку, налил в неё из миски воды и подул в хвост. Раздалась дрожащая высокая нота. Он вздрогнул, потом подул ещё раз, тише.

— Могу.

— Можешь дуть на горячее молоко?

Он надул щёки и подул себе на ладонь.

— Могу.

— Напой вчерашнюю песню.

Лучик спел две строки про лисий хвост. Голос не пострадал. Только на месте припева он замолчал: прежде там был отцовский свист.

— Лес взял то, что ты назвал, — сказала Варвара. — Не больше. Книга может подтвердить это чужими примерами, но не сделает утраченное меньше.

Лада подошла к сыну и поправила полушубок. Её пальцы двигались заботливо и бессмысленно: закрыть грудь, разгладить ворот, спрятать кисти. Лучик не замёрз. Ему требовалось от матери действие, и она нашла хоть какое-то.

— Зачем ему твой свист? — спросил мальчик.

Варвара не стала делать вид, что знает.

— Не знаю. Может быть, лесу ничего от него не нужно. Узел остаётся на корне, потому что цена должна где-то храниться.

— Он теперь будет свистеть?

— Корень не станет мальчиком.

— Тогда глупая цена.

— Да, — сказала Варвара. — Для нас глупая.

Савел резко встал.

— Не говори ему так. Он вышел. Он сделал всё правильно.

— Он не виноват. Это не значит, что потеря стала пустяком.

— Я и не говорю, что пустяк.

Он говорил именно это со вчерашнего дня. Ерунда. Заново покажу. Устал. Дома получится. Но признать это вслух означало бы признать и другое: когда сын спросил, идти ли ему по светлой тропе, отец не стоял рядом. Никто не стоял.

В дверь постучали трижды, не дожидаясь ответа, вошёл Устин.

За ним протиснулся худой подмастерье Рем с деревянной книгой под мышкой. На ларе у межи книга казалась большой, но в тесном мельничном доме стала ещё больше. Две доски тёмного вяза, стянутые кожаными ремнями, с корешком из множества тонких планок. Каждую запись выжигали на отдельной дощечке и вставляли между обложками. Книга не боялась сырости, зато весила как ребёнок.

Лучик увидел её и спрятал пальцы под полушубок.

Устин снял плащ, аккуратно сложил на сундук и только тогда поздоровался.

— Губы покажи.

Мальчик посмотрел на мать. Та кивнула.

Устин осмотрел язык и нёбо, велел подуть на нитку, спеть, надуть щёки, выпить воды. Повторил почти всё, что уже сделала Варвара, но ни разу не объяснил зачем. Рем тем временем раскрыл книгу на лавке и перебирал планки. Они постукивали одна о другую сухо, как семена в коробочке.

— Вот, — сказал подмастерье.

Устин прочёл выжженные строки, провёл ногтем по краю дощечки.

— Громкий свист с двумя пальцами. Четыре прежних обмена. В трёх сохранены пение, речь, дыхание и свист через предмет. В одном человек больше не смог позвать собаку тем же движением, даже без звука.

— Почему? — спросил Савел.

— Он назвал не звук, а умение подзывать.

— Лучик назвал папин свист, — сказала Лада.

— Я слышал от свидетелей. «Умею свистеть громко, засунув два пальца в рот, как папа на мельничном дворе». Привязка к месту и учителю может оставить ещё один край.

Савел побледнел.

— Какой?

— Проверим на дворе.

Они вышли к мельнице. Утро было серым, водяное колесо медленно тянуло тёмные лопасти из заводи. На брёвнах настила лежала крупа инея. Лучик шёл между родителями и смотрел под ноги.

Савел остановился там, где обычно звал работников с дальнего берега. Сунул пальцы в рот и свистнул. От сарая отозвался пёс, на мостках поднял голову работник.

— Теперь ты, — сказал Устин Лучику. — Не свисти. Позови отца так, как звал до вчерашнего дня, когда он был у колеса.

Лучик открыл рот.

— Пап!

Слово получилось обычным. Савел стоял рядом и всё же обернулся, словно его окликнули издалека.

— А без слова? — спросил Устин.

Лучик хлопнул в ладоши. Потом ударил ладонью по перилам. Звук вышел звонкий, но мальчик поморщился.

— Это не так.

— Что именно не так?

— Он не поймёт, что это я.

Савел присел перед ним.

— Пойму. Ты меня как угодно зови.

— А если колесо шумит?

— Подойдёшь ближе.

— А если я на том берегу?

— Я буду смотреть.

Лучик нахмурился. Детская мысль ещё не умела прятать жестокую ясность за утешением.

— Ты не всегда смотришь.

Савел обнял его так резко, что мальчик выронил свистульку. Глиняная птица ударилась о настил, но не разбилась.

Устин поднял её, стряхнул ледяную крупу и вернул Лучику.

— Книга подтверждает: остальные движения рта и дыхание сохранены. Утрачен свист и связанный с ним безымянный зов отца на мельничном дворе. Не память об отце. Не голос. Только этот способ дозваться.

— Только, — повторила Варвара.

Устин посмотрел на неё без злости.

— В книге есть цены хуже.

— Поэтому эта должна казаться малой?

— Поэтому люди собирали сравнения. Не для красоты. Если бы мальчик сказал «умение звать отца», лес мог взять голос, жест или способность вспомнить нужное имя. Если бы сказал «папин свист», мог потерять способность узнавать свист отца. Ты удержала название в границах одного движения.

Варвара хотела возразить, но не могла. Именно так она и сделала. Услышав точную фразу Лучика, она испытала облегчение. Узкое название спасло гораздо больше, чем отняло.

— Тогда почему твоя книга закрыта? — спросила она. — Этот пример мог вчера знать каждый у межи.

— И каждый выбрал бы свист, решив, что лес принимает одну цену дважды одинаково. А потом человек, для которого свист — способ держать дыхание при больных лёгких, назвал бы те же слова и потерял больше.

— Значит, учить надо не готовым словам, а тому, как искать границы.

— Ребёнка с ножом тоже сначала учат. Не оставляют нож на площади с запиской.

— А если единственный учитель берёт за урок землю?

Устин не ответил. Он повернулся к Савелу.

— Осмотр закончен. Запись я добавлю сегодня. Мука — до заката.

Лада сжала руку мужа.

— Вы сказали, что сверитесь насчёт узла.

— Сверился.

— И всё?

— Возврата нет.

Она словно уменьшилась внутри своего платка.

— Но вы знали это до осмотра.

— Знал.

— За что тогда три года муки?

Устин указал на раскрытую книгу, которую Рем держал у груди.

— За четыре прежние утраты, записанные людьми, которые тоже платили. За хранение. За сравнение. За то, что сегодня вы знаете границы случившегося, а не гадаете до старости.

— До старости мы и без тебя увидели бы, что он не свистит, — сказал Савел.

— Вы не знали, не задел ли обмен дыхание. Не знали про зов. Знание имеет цену, мельник. Ты берёшь долю зерна даже с вдовы, потому что жернова не возвращаются благодарностью.

— Я не прячу от вдовы, как молот зерно между двух камней.

— Но не отдаёшь ей мельницу.

Лучик снова дунул в глиняную птицу. Высокая нота разрежала спор. Он сделал это нарочно, и Варвара впервые за утро увидела в нём не потерявшегося ребёнка, а мальчика, который нашёл единственный звук, способный остановить взрослых.

Савел сказал:

— Муку получишь сегодня. Потом ни мешка. Запись я не подписывал.

Рем полез за тонкой дощечкой.

— Свидетели слышали условие ночью, — сказал Устин.

— Я слышал обещание посмотреть. Про три года ты сказал потом, когда сын был уже дома.

— Лада?

Мать Лучика выпрямилась.

— Два мешка за осмотр. Так я поняла.

Устин перевёл взгляд на Варвару.

— Ты была здесь.

— Я пришла до тебя. При условии не стояла.

— Значит, цех не станет взыскивать то, что не названо одинаково обеими сторонами.

Два мешка.

Он сказал это спокойно, но Рем покраснел. Подмастерье уже держал заготовку для долга длиной в три года.

Когда Устин ушёл, Савел ещё долго смотрел ему вслед.

— Он уступил слишком легко.

— Не уступил, — сказала Варвара. — Показал, что честнее леса.

— Как это?

— Лес принял бы слова Лучика, даже если мы поняли их по-разному. Устин отказался от спорной части. Теперь о нём скажут: строгий, зато по слову.

Лада подняла свистульку к свету.

— А разве это плохо?

— Нет. Поэтому и трудно.

У межи уже ждали семьи шестерых.

За ночь жёлтый шнур намок и провис, но никто его не снял. Цеховые подмастерья развели огонь, поставили навес и принесли ещё два ларя. Рядом на пне лежали шесть гладких дощечек для обязательств. На каждой было выжжено имя пропавшего.

Маренин муж Олеш держал свою дощечку обеими руками. Под именем жены темнели свежие строки: три года работы на лекарственном огороде, по сорок дней от каждого года. Если Марена после выхода не сможет работать, долг переходил на мужа и старшую дочь.

— Они сбросили со ста дней, — сказал он Варваре. — За то, что я сам принесу еду связке.

— Ты согласился?

— А что мне ещё делать?

Варвара посмотрела на остальных. Жена Боривоя должна была отдать цеху половину старой кузницы у ручья. Мать Тиша и Клима — полосу льняного поля. За Велену просили семь телят в течение пяти лет. Дом Радогоста стоял пустым: он жил один, и цех приготовил запись, по которой его мерные инструменты переходили в общественное пользование под хранением старшего.

Условия отличались. Устин не назначил всем одну цену, которую легко было бы назвать грабежом. Он посмотрел, что есть у каждой семьи, и взял достаточно много, чтобы помощь стала тяжёлой, но не настолько, чтобы человек уверенно выбрал отказ.

— Если подпишем сейчас, они войдут до полудня, — сказал Олеш. — Если будем спорить, Марена сама что-нибудь назовёт.

Из леса донёсся слабый удар. Один. Пауза. Ещё один.

Боривой продолжал стучать, но медленнее, чем вчера.

Жена кузнеца Злата прижала дощечку к груди.

— У него вода кончается.

— Мы не знаем, что означает стук, — сказала Варвара.

— Ты всегда так. Не знаем, проверим, подождём. А он там.

— Поэтому связка должна отнести воду прежде, чем кто-нибудь станет выбирать цену.

Олеш горько рассмеялся.

— Шнур видишь?

— Вижу.

— Устин пустит только тех, чьи дощечки лягут в книгу.

— Лес не цеховой.

— Скажи это подмастерьям с шестами.

По ту сторону шнура стояли трое молодых цеховых. Шесты у них были не для драки — ими шупали землю перед каждым шагом. Но держали их поперёк, и назначение легко менялось.

Ясна пришла с Ратибором. Плотник нёс два мотка верёвки, она — мешок с хлебом, сыром и бурдюками. За ними шли Дарья и ещё пятеро деревенских. Никто не скрывал, зачем пришёл.

Ратибор положил верёвки перед жёлтым шнуром.

— Воду и еду отнесём без книги. Людей не ведём. Цен не называем. До первого сухого корня и назад.

Старший подмастерье покачал головой.

— Устин запретил вход.

— Пусть Устин придёт и запретит лесу.

— Я здесь, — сказал старший из-за навеса.

Он вышел уже в дорожном плаще, с ножом для зарубок и маленькой книгой на поясе. За ним стояли четверо цеховых, готовых войти. Варвара узнала среди них двух хороших травников и одного человека, который боялся леса настолько, что никогда не ходил один даже за орешником.

— Вода войдёт с моей связкой, — сказал Устин. — После записи обязательств.

— Вода не твоя помощь, — ответила Варвара. — Её несут семьи.

— Люди, которые заблудятся с водой, станут моей работой.

— Ратибор ставил связки, когда ты ещё различал выходы.

Лицо Устина не изменилось, но его правая рука легла на маленькую книгу. Варвара поняла, что сказала лишнее. О его утрате знали старшие мастера, но вслух у межи не произносили.

— Именно поэтому я знаю, что уверенность не выводит из леса, — сказал он. — До первого сухого корня сегодня может быть двести шагов, а обратно — две тысячи. Тропа уже взяла мальчика с мельничного двора. Она выставляет входы по всей Кромке.

— Тогда пойдём вместе. Без долгов за воду.

— Семьи платят не за воду. За выбор цены.

— Они ещё не выбрали твою помощь.

— Но требуют, чтобы мои люди рисковали.

Ратибор поднял моток.

— Мои пойдут сами.

— И если найдёте Марену? — спросил Устин. — Что скажете ей, когда лес потребует умение? Молчать до голодной слабости? Назвать первое узкое движение? Варвара только что убедилась: даже простейший свист тянет за собой способ дозваться отца. У ткачихи каждое движение связано с хлебом её детей.

Олеш вздрогнул.

Устин не повышал голоса. Он не давил на семьи — он просто ставил перед ними настоящую опасность и оставлял рядом шесть дощечек, на которых опасность можно было купить.

— Не решать за неё, — сказала Варвара. — Вот что мы скажем Марене. Дадим воду, еду и время. Узнаем точные слова, которые предлагает лес. Вернёмся и сравним примеры.

— С чем сравнишь? С памятью старух у печи?

— С людьми, которые уже платили. Они живы. Их утраты — не твоя собственность.

— Некоторые не захотят снова переживать это на площади.

— И не обязаны. Но книга закрыта даже от тех, кто хочет рассказать.

Устин развязал маленькую книгу и вынул одну дощечку.

— Когда Ведана отдала умение узнавать ядовитый корень по запаху, она решила, что сохранила зрение и сможет работать. Через год ребёнок подменил ей корзины. Она сварила отвар из белого любня и погубила мужа. С тех пор цех хранит не только названия, но последствия. Откроешь всё — люди начнут выбирать чужие цены, не понимая своей жизни.

— Закроешь всё — они будут выбирать твою цену, не понимая, какие ещё есть.

Между ними провисал мокрый жёлтый шнур. На нём висели капли, каждая отражала перевернутый лес.

Дарья подошла к Варваре и тихо сказала:

— Ты обещаешь то, чего у тебя нет. У тебя нет книги.

— Есть Лучик.

— Один свист против века записей?

— Есть Белян. Есть повитуха Раяна. Есть гончар Крута, который отдал умение выводить красную глазурь. Они помнят, что назвали и что осталось.

— А шестеро ждать будут, пока ты обойдёшь дворы?

Варвара посмотрела на корзины. Ночью их перенесли под навес, но на земле остались круглые следы. Шесть тёмных мест, вокруг которых высохла хвоя.

— Нет. Воду отнесём сейчас.

Она шагнула к шнуру.

Подмастерья подняли шесты. Ратибор встал рядом. Ясна передала мешок Дарье и взяла конец верёвки.

Олеш вдруг положил дощечку Марены на пень.

— Я не подпишу, пока она сама не услышит условие.

Злата прижала свою записку ещё крепче.

— А если Боривой не сможет решить?

— Тогда решит, что не может решить, — сказал Олеш. — Но моей рукой Марену на три года не продам.

Слово было неверным и точным одновременно. Устин поморщился.

— Работа на общем лекарственном огороде не продажа человека.

— Тогда напиши обязательство на себя, не на неё.

— Можешь взять долг семьи на себя.

— Возьму, если Марена попросит. Не раньше.

Одна за другой семьи положили дощечки на пень. Не все. Мать Тиша и Клима оставила свою при себе: два сына в лесу были сильнее любого общего решения. Злата долго смотрела на имя мужа, потом тоже не отпустила записку.

Устин оценил лица. Если он прикажет оттолкнуть связку, люди увидят не хранителя опасного знания, а человека, задержавшего воду ради подписи. Если пропустит, признает, что вход не принадлежит цеху.

— До первого отклика, — сказал он. — Моя связка идёт рядом. Никто не произносит названий умений без свидетеля. Найдёте человека — даёте воду и возвращаетесь. При изменении тропы бросаете груз.

— И никаких долгов за этот вход, — сказала Варвара.

— За воду — никаких.

— За вход.

— Цех запишет собственные расходы на цех.

Ратибор снял жёлтый шнур с одного кола и положил на землю, не разрезая. Варвара заметила это и была благодарна. Разрезанный шнур стал бы вызовом; снятый — вещью, которую можно вернуть на место. Сегодня им нужна была дорога, а не красивая победа у её начала.

Из леса снова донёсся стук.

На этот раз после трёх ударов прозвучали два быстрых.

— Он меняет знак, — сказала Ясна.

— Или стучит уже не Боривой, — ответил Ратибор.

Они связались шестью шагами верёвки: Ратибор впереди, за ним Устин, Варвара, Ясна и двое цеховых. Остальные держали обратный конец у межевого столба. Варвара проверила узел на поясе и оглянулась.

Лучик стоял возле родителей. Он пришёл от мельницы сам и теперь держал глиняную птицу обеими руками.

— Тётя Варя!

— Что?

— Если надо позвать, я в неё могу.

Он подул. Свистулька ответила чистой нотой.

Лес за межей словно прислушался. Где-то в глубине дрогнул бледный узел, хранивший другое, утраченное звучание.

— Можешь, — сказала Варвара. — Только не ходи за нами.

Лучик кивнул.

Она переступила через жёлтый шнур и поставила ногу на новую тропу.

Перед первым шагом Варвара успела понять две вещи. Устин был прав: закрытая книга хранила знание, за которое кто-то уже заплатил болью. И именно поэтому он не имел права назначать цену за доступ один.

Она выведет людей не обещанием, что утрата окажется маленькой. Таких обещаний лес не выполнял.

Она даст им воду, время и все известные последствия. А потом оставит выбор тому, чьё умение лежит на весах.

Для начала нужно было вернуть знание из книги людям.

Глава 3. Дом за межей

Первый корень вошёл в дом между печью и стеной.

Дарья услышала треск, когда снимала с полки горшок. Глина выпала из рук, но не разбилась: половица выгнулась и поймала её в ложбину. Следом поднялся стол. Ножки заскребли по доскам, миска с закваской поползла к краю.

— Варя!

Варвара ещё не успела развязать поясную верёвку после леса. Она бросила мокрый плащ на крыльце и вбежала в кухню. Ясна была за ней.

Пол дышал.

Доски поднимались медленно, с долгим скрипом гвоздей, потом опадали на толщину пальца. Из щели тянуло сырой землёй. Белый песок, которым Дарья каждое утро посыпала пол, собрался в дрожащие гребни.

— Печь гасить, — сказала Варвара. — Воду сюда. Ясна, зови Ратибора.

Дарья не двинулась.

— Что это?

Новый толчок приподнял лавку. Из-за печи посыпалась старая известь.

— Корень.

— Я вижу, что немышь. Почему он здесь?

Варвара схватила ведро, залила огонь. Пар ударил в лицо. Внутри печи зашипело, в трубе тяжело ухнуло.

— Потому что лес двигает межу.

— Межа у столба.

— Нынешняя.

Дарья наконец отступила от выпуклой половицы.

Связка не нашла пропавших. За первым сухим корнем тропа разошлась надвое, и Боровое стук слышался сразу с обеих сторон. Они оставили бурдюк, хлеб и сыр там, где Ясна заметила свежую зарубку на орешнике. Вернуться успели до того, как верёвка начала уходить под мох. Устин назвал это доказательством необходимости цеха. Варвара — доказательством, что никто не должен входить один.

Теперь лес пришёл туда, где никакой связки не было.

Ратибор прибежал с ломом и двумя клиньями. За ним пришли Савел, Олеш и ещё несколько соседей. В тесной кухне сразу стало нечем дышать. Мужчины подняли стол, вынесли лавку, сняли дверь с петель. Ратибор лёг на живот и заглянул в щель.

— Света дай.

Ясна поднесла свечу. Он поводил ею над полом и выругался.

— Не один. Три корня. Большой идёт под печной пятой.

— Подрубить, — сказала Дарья.

— Нельзя, — ответили Варвара и Ратибор одновременно.

Дарья посмотрела сначала на сестру, потом на плотника.

— Дом мой.

— Если подрубить лесной корень, он затянет топор, — сказал Ратибор. — А может, руку. Надо открыть пол и посмотреть, куда идёт.

— Открывай.

Первую доску сняли целиком. Вторая треснула вдоль старого сучка. Под половицами лежала не сухая земля подпола, а чёрная влажная почва, покрытая тонкими белыми нитями. Из неё выступал корень толщиной с бедро. Он шёл от внешней стены к печи, разветвляясь на два. Кора блестела, будто дерево только что вынули из реки.

Ясна опустила свечу ниже.

— Тут резьба.

На боковой стороне корня темнели три листа. Такой же знак был на лесной стороне межевого столба.

Соседи попятнулись. Савел первым снял шапку, хотя в доме не было ни покойника, ни образов.

— Это метка леса, — сказал Олеш.

— Была метка, — поправила Варвара. — Корень вырос вокруг неё.

Ратибор расчистил землю ножом. Под тонкими отростками показался дубовый брус. Сначала Варвара приняла его за старую лагу, но брус уходил не вдоль стены, а наискось. На человеческой стороне была вырезана раскрытая ладонь.

Межевой столб лежал под их кухней.

Дарья опустилась на корточки и коснулась ладони.

— Отец ставил дом. Он бы увидел.

— Столб мог лежать глубже, — сказал Ратибор.

— Отец копал под печь. Мать рассказывала: до красной глины дошли.

— Значит, столб положили потом, — сказала Ясна.

Варвара вспомнила старую зарубку у нынешней межи. Она смотрела сюда не как указатель. Это была линия от одного столба к другому.

— Или отец видел и молчал.

Дарья ударила ладонью по брусу.

— Не смей.

Корень дёрнулся. Все отшатнулись. Свеча погасла.

В темноте кто-то толкнул снятую доску, кто-то наступил Варваре на сапог. Потом Ясна зажгла лучину от фонаря в сенях. Большой корень лежал неподвижно, но щель между печью и стеной стала шире.

— Всем выйти, — приказал Ратибор. — Печная пята пошла.

Они вынесли из кухни мешки с мукой, посуду и сундук с зимним полотном. Дарья пыталась подхватить всё сразу. Варвара забрала у неё стопку тарелок прежде, чем та уронила их на порог.

— Дом не падает, — сказала Варвара.

— Ты откуда знаешь?

— Не знаю. Поэтому выносим тяжёлое.

— Тогда не утешай.

На дворе собралась половина улицы. Люди смотрели не на дом, а на землю под собственными ногами. Дальняя улица тянулась вдоль леса девятью дворами. Если старая межа проходила под кухней Лозиных, она могла пересекать огород Круты, баню Савела и два новых дома у колодца.

Устин появился, когда Ратибор подводил под угол первую подпорку.

Он пришёл без подмастерьев и книги, в простом сером кафтане. От этого Варваре стало тревожнее. Старший цеха явился не свидетельствовать и не записывать. Он пришёл разговаривать.

— Все наружу, — сказал он, увидев трещину. — Корень помеченный?

— Три листа, — ответила Ясна.

Устин закрыл глаза на короткий миг.

— Где старый столб?

Варвара не спросила, откуда он знает. Провела его в кухню.

Ратибор хотел идти следом, но Устин остановил:

— Если пята двинется, снаружи ты полезнее.

— Я останусь, — сказала Ясна.

— Нет, — одновременно произнесли Варвара и Дарья.

Племянница скрестила руки.

— Тогда и вы обе наружу. Дом мой не меньше.

Дарья посмотрела на дочь и сдалась первой.

Вчетвером они вошли в разобрannую кухню. Устин опустилсЯ у ямы, очистил дубовый брус и нашёл на торце небольшую выемку. Надавил большим пальцем. Из дерева выдвинулась тонкая пластинка, почерневшая от времени.

На ней были выжжены девять коротких черт и одна длинная.

— Девять дворов, — сказала Ясна.

— Девять участков, — поправил Устин.

— Ты знал.

Он не стал отпираться.

— Знал, что прежний столб потерян. Не знал, что дом стоит прямо над ним.

Дарья схватила его за рукав.

— Чья это земля?

Устин посмотрел на её руку. Она отпустила, но не отступила.

— По деревенской книге — ваша. По старому зарокy — лесная.

— Как земля может быть записана дважды?

— Люди умеют записывать одно и то же сколько угодно раз.

— Кто?

— Старший до моего учителя. После большого пожара.

Варвара знала о пожаре. Тогда лес удерживал двадцать три человека, бежавших от огня. Семнадцать вышли зимой. О шестерых в деревне говорили, что их вывел цех, заплатив общими запасами. Никто не упоминал землю.

— Полосу отдали за людей, — сказала она.

Устин поднял на неё глаза.

— Да.

— А потом раздали под дворы.

— Через двенадцать лет лес отступил. Люди решили, что земля вернулась.

— Лес так решил?

— Лес не спрашивали.

Дарья засмеялась один раз, без веселья.

— Значит, мой отец построил дом там, где старшие ему отвели, а теперь корень лезет в печь. И виноват кто?

— Я не сказал, что виноваты вы.

— Землю заберут у нас.

— Если старая граница восстановится.

— Она уже в кухне!

Корень снова приподнялся. Из печи выпал кирпич и разбился на две ровные половины.

Дарья бросилась к нему, будто могла сложить кирпич обратно. Ясна удержала мать.

— На сегодня подпорки выдержат, — сказал Устин. — Корень не рушит дом сразу. Он обозначает требование.

— Какое? — спросила Варвара.

— Освободить межу.

— От нашего дома?

— От всех строений за линией.

Дарья побелела.

Варвара подумала о лекарственном саде. Грядки белой полыни, любня, медвежьего корня. Орешник, посаженный матерью. За ним — низкий камень с её именем. Всё лежало между домом и нынешним лесным столбом.

— Покажи запись, — сказала она.

— Она в цеховом архиве.

— Принеси.

— Не могу.

— Тогда ты принёс только удобную сказку.

Устин коснулся длинной черты на пластинке.

— Это знак зарока земли. Девять коротких — участки. Ты умеешь читать старые метки не хуже меня.

— Метка доказывает, что сделка была. Не доказывает её слова.

— Верно.

Он поднялся, отряхнул колени.

— Я могу подтвердить в деревенской книге право Лозиных на дом и сад.

Дарья шагнула к нему.

— Можешь?

Варвара услышала ловушку раньше, чем условие.

— Человеческая запись не остановит корень.

— Но даст семье право на новый участок внутри межи и помощь в переносе, если понадобится. Сейчас старые записи спорны. Без подтверждения вам скажут освобождать землю своими силами.

— Что взамен? — спросила Ясна.

Устин посмотрел на неё.

— Ты вступишь в цех ученицей на семь лет.

Дарья не ответила. И это было хуже согласия: она начала считать.

Семь лет давали обучение, место в лекарственном огороде, долю сборов и защиту цеха. Ясна не стала бы рабыней. Многие родители мечтали о такой судьбе для дочери. Но предложение прозвучало в кухне, которую ломал корень, и потому ничем не отличалось от дощечек у межи.

— Я уже учусь у Варвары, — сказала Ясна.

— Ты собираешь травы с Варварой. Ученичество даёт книгу, право лечить сложные случаи, доступ к запасам и свидетельство ремесла.

— А если я не хочу семь лет жить по твоему колоколу?

— Тогда не вступай.

— И дом останется без подтверждения.

— Это условие предложения, не наказание.

Варвара почувствовала, как Дарья взяла её за запястье. Не удерживала — просила не рубить дверь, которая ещё могла спасти дом.

— Есть второе условие, — сказал Устин.

— Конечно, — ответила Варвара.

— Ты прекращаешь собирать людей для открытого словаря утрат. Не требуешь книгу зарок и не ведёшь семьи в лес без цехового старшего. Я подтверждаю право на дом сегодня. Если граница сомкнётся, цех и деревня переносят его за общий счёт.

— А сад?

— Что успеете пересадить.

— Могила матери?

Устин помолчал.

— Мёртвых лес не удерживает. Перенесёте камень. Останки лучше не тревожить без необходимости.

Дарья стиснула Варварино запястье до боли.

— Нам надо подумать.

— До вечера, — сказал Устин. — Завтра деревенские старшие увидят метку. После этого я не смогу исправить запись тихо.

— Исправить или подделать? — спросила Ясна.

— Подтвердить позднее право решением нынешнего цеха.

— То есть написать, что земля наша, хотя знаешь: лес её не вернул.

— Деревня живёт по своим книгам. Лес — по своим корням. Я предлагаю защитить вас среди людей.

— За меня, — сказала Ясна. — Не «вас». Платой буду я.

Дарья отпустила руку сестры.

— Не говори так. Учение — не утрата.

— Тогда почему он не предложил его вчера, до корня?

— Потому что вчера вы не нуждались в том, что могу дать, — ответил Устин.

Его честность была почти невыносима.

Снаружи Ратибор забил клин. Дом содрогнулся, но угол опустился на прежнее место. Через дыру в стене вошёл свет, лёг на раскрытую ладонь старого столба.

Варвара смотрела на знак и понимала, чего хочет больше всего. Сказать «да». Получить до вечера человеческую бумагу против нечеловеческого корня. Сохранить кухню, сад, материнский камень. Убедить Ясну, что семь лет быстро пройдут, а знания всё равно пригодятся. Назвать молчание осторожностью.

Именно так семьи брали дощечки у межи.

— Нет, — сказала она.

Дарья повернулась к ней.

— Ты не одна решаешь.

— За Ясну — не решаю. За своё молчание — решаю.

— А дом у нас общий.

— Поэтому Устин и связал одно с другим.

— Я ничего не связывал, — сказал он. — Связь уже есть. Твой спор с цехом ослабляет моё слово перед старшими. Моё слово может защитить дом. Я назвал обмен.

— Честный обмен не всегда справедливый.

— Лес тебя этому научил?

— Лучик.

Устин взял пластинку с девятью чертами и вставил обратно в столб.

— До вечера.

— Моё «нет» не требует вечера.

— Твоё — нет. Дарьино я ещё не слышал. Яснино тоже.

Он вышел.

Дарья дождалась, пока шаги стихнут на крыльце.

— Ты спасла чужую свободу моим домом.

— Я не отдала дом.

— Ты отказалась от защиты.

— От записи, которая не остановит лес.

— Запись дала бы нам новый участок и людей для переноса!

— За семь лет Ясны и за то, что шестеро останутся с закрытой книгой.

— Шестеро могут выйти. Дом у нас один.

Ясна встала между ними.

— Мама, я сама отвечу Устину.

— Ты не знаешь, от чего отказываешься.

— Тогда Расскажи без корня под ногами. Я выслушаю.

Дарья посмотрела на дочь так, словно та тоже стала частью леса: знакомой и внезапно неподвластной.

Ратибор позвал Варвару наружу. Подпорка держала, но стену надо было разгрузить. Соседи уже переносили мешки в сарай. Никто не спрашивал платы. Савел принёс доски, Олеш — два крепких козла. Жена Боривоя Злата привела корову Лозиных с дальнего выпаса, потому что Варваре было не до неё.

Помощь шла без дощечек и книги.

Но Варвара не обманывалась: если придётся разбирать дом, одной доброй улицы не хватит. Понадобятся лес, место, телеги, недели труда. Устин предлагал настоящую защиту и настоящую цену.

Ясна вышла на крыльцо с закопчённым межевым знаком в ладони. Она перерисовала девять черт углём на обломок половицы.

— Найдём остальные столбы, — сказала она. — Если линия касается девяти участков, это не только наша тайна.

Дарья стояла в дверях.

— А если остальные согласятся молчать ради домов?

Варвара посмотрела вдоль улицы. За заборами белели стены, дымились печи, сушилось бельё. Обычная жизнь держалась на земле, которую кто-то однажды отдал, а потом сделал вид, что вернул.

— Тогда они должны сначала узнать, о чём молчат.

Под кухней треснула ещё одна доска.

Корень не принял их отказ и не одобрил его. Он просто продолжал расти по старой границе.

Глава 4. Шесть имён в лесу

К полудню на столе лежали шесть вещей: ткацкий челнок, кузнечные клещи, сапожное шило, глиняная свистулька, костяной гребень и пустая полотняная сумка.

Варвара велела принести не самые дорогие вещи пропавших, а те, которых их руки касались каждый день. Дорогую рубаху можно надеть дважды в год и не знать, кто её шил. Ручка рабочего ножа помнит ладонь лучше родной сестры.

Стол поставили не в доме Лозиных. Там Ратибор снимал ещё две половицы и подводил под печь брус. Собрались в пустой солодовне у ручья. После весеннего пива она стояла прохладная, с кирпичным полом и длинными лавками. Здесь пахло мокрым зерном, старой золой и людьми, которые пришли прямо от работы.

Дарья не пришла. Она осталась сторожить вынесенное добро и разговаривать с деревенским старостой о новом участке, которого пока никто не давал. Утром сёстры обменялись только тремя словами: «Каша на печи». Варвара ответила: «Я ела». Обе солгали.

Ясна сидела у края стола с листьями бересты. Перед ней лежали уголь, костяное перо и нож для подчистки ошибок. На первом листе она вывела шесть имён.

Марена. Боривой. Тиш. Клим. Велена. Радогост.

— Не пишите про человека всё подряд, — сказала Варвара семьям. — Нам нужно понять, без чего он не сможет жить и работать. И что умеет только он, а что можно передать другому.

— Ты уже цену им выбираешь? — спросила Злата, жена Боривоя.

— Нет. Выбирать будут они. Если захотят выходить раньше весны.

— А мы тогда зачем?

— Чтобы не предложить им отдать то, последствий чего они из леса не видят.

Злата сжала губы. Рядом с ней стояли два сына, оба взрослые, оба шире отца в плечах. Кузница без Боривоя не умолкла: старший сын, Молчан, с рассвета правил ободы для телег. Но звон выходил неровный, будто молот спорил с наковальней.

На дальнем конце стола Олеш вертел в пальцах челнок Марены. Из выемки торчала красная нитка. Он пришёл один. Их дочери-близнецы остались дома присматривать за младшими, и Варвара не знала, сказал ли он им правду или опять пообещал, что мать вернётся к ужину.

Семьи рассаживались не по именам, а по старым дружбам и ссорам. Мать Клина отказалась сидеть рядом с сапожником Горыней, у которого сын служил цеху. Сестра Велены принесла с собой грудного ребёнка и всё время качала его ногой в плетёной зыбке. За Радогоста пришёл только сосед, мельник Дрозд. Сам Радогост жил один, а его дальняя родня была за три дня пути.

Тишевы клещи принёс Ратибор. Они оказались не кузнечными, как сначала решила Ясна, а щипцами для правки пил. Тиш обходил лесорубные артели, разводил зубья и знал по звуку, где плотно поведёт вбок.

— Начнём с Марены, — сказала Варвара. — Что она умеет такого, чего нельзя потерять без тяжёлого вреда?

Олеш ответил сразу:

— Ткать.

— Это слишком широко.

— А лесу не всё равно?

— Не всё. Лучик отдал не всякий свист. Он может дуть в глиняную птицу и тихо насвистывать без пальцев. Лес взял точное движение и вместе с ним то, чего мы не сумели назвать: как докричаться до отца через мельничный шум.

Дрозд опустил глаза. Он первым рассказал Лучику, что мальчик больше не сможет подавать отцовский сигнал. Варвара заметила, как мельник спрятал большие руки под стол.

— Значит, надо сказать точнее, — произнёс Олеш. — Марена умеет ткать полотно ровно, без косины.

— Если отдаст это, чем будет кормить детей?

— Она ещё узоры умеет.

— Узорами зимой не укуеешься, — сказала с лавки старая пряха.

— Её узорные пояса в город берут дороже трёх холстов.

— Берут, когда купцы приходят. А холст нужен всегда.

Олеш положил челнок. Дерево стукнуло о стол громче, чем требовалось.

— Я не говорю отдавать ровное полотно. Ты спросила, что умеет.

— Хорошо. Ясна, пиши отдельно. Полотно без косины. Узорные пояса. Что ещё?

Голоса поднялись сразу. Марена различала на ощупь льняную и конопляную нить. Умела насаживать основу одна, хотя обычно для этого звали двух помощниц. Восстанавливала узор по обрывку не шире ладони. Красила нить ольховой корой так, что коричневое не сходило после дождя. Находила слабое место в холсте, проводя ногтем поперёк ткани. Завязывала свадебный узор Кромки — не просто набор ромбов, а порядок, который менялся для каждого рода.

— Этот узор она придумала? — спросила Варвара.

— От бабки взяла, — ответила пряха.

— Тогда его знает кто-то ещё?

— Части знают многие. Весь — Марена да я знала. Теперь половину забуду, пока до дома дойду.

На бересте выросло семь строк. Варвара смотрела на них и чувствовала не облегчение, а страх. Каждое узкое умение тянуло за собой другие. Отнять восстановление узора — лишить Марену дорогих заказов. Отнять свадебное плетение — оставить деревню без знака, который женщины узнавали на рубахах своих матерей. Можно было сказать, что без такого знака живут. Можно было также сказать, что без могильного камня мать остаётся матерью. Это не делало утрату малой.

— Что из этого она сама считает своим главным умением? — спросила Ясна.

Олеш не ответил.

— Ты её муж, — сказала пряха. — Неужто не знаешь?

— Знаю, что она работает с утра до ночи. А что у неё главное, она сама скажет.

Варвара кивнула.

— Вот это и запиши крупно. Мы можем назвать последствия. Решить вместо неё не можем.

Олеш выдохнул, будто ему позволили снять с плеч чужой мешок. Варвара поняла: он боялся не только за Марену. Боялся вернуться к детям с ответом, что сам выбрал, какую часть их матери оставить лесу.

Перешли к Боривою.

Злата подвинула клещи к себе, хотя они принадлежали не ему.

— У моего мужа руки знают железо, — сказала она. — Другого тут не напишешь.

— Придётся написать.

— Устин написал бы.

— Тогда позови Устину.

Злата вскинула голову. Варвара пожалела о резкости, но не взяла слова назад. Утром цех выставил у межи ещё две дощечки. На одной семье Боривоя предлагали отдать четверть кузницы за совет. На второй уже стоял знак согласия — кривой крестик Молчана.

Старший сын покраснел.

— Я не кузницу отдал. Только будущий навес и работу отца на два месяца.

— Отец согласился? — спросила Ясна.

— Он в лесу.

— Значит, нет.

— А если он там умрёт, пока мы спрашиваем согласия у воздуха?

Слова ударились о стены солодовни. Ребёнок Велены заплакал. Его мать подхватила зыбку и прижала к груди.

Варвара дождалась тишины.

— Устин может войти и говорить с Боривоем сам. Договор за совет заключаете вы, и это ваш выбор. Но лес возьмёт умение только у Боривоя и только с его согласия. Мы сейчас пытаемся не принести ему один готовый ответ.

— А сколько ответов принесём? — спросил Молчан.

— Столько, сколько успеем проверить.

— Пока вы проверяете, вода у него кончится.

— Вчера мы оставили бурдюк у зарубки.

— У зарубки, а не у отца.

В этом он был прав. Варвара почувствовала на языке вчерашний сухой хлеб. Она велела оставить припасы там, где слышался стук, но лес удвоил звук. Вода могла стоять в десяти шагах от Боривоя или в половине дня.

— Сегодня войдём снова, — сказала она. — Но если пойдём к Боривою, не найдём остальных. Поэтому надо знать, чей след видели где.

Она положила на стол карту, нарисованную утром Ясной на четырёх сшитых кусках бересты. Это была не карта леса — Лес Отдающий не терпел прямых линий и переставлял тропы. На ней были знакомые места у границы: кривой вяз, камень с белой жилой, сухой овраг, две поляны и ручей. Между ними Ясна оставила пустоту.

— Боривой стучал с двух сторон, — продолжила Варвара. — Значит, один звук не поведёт. Что он мог сделать ещё?

Молчан ответил первым:

— Он умеет менять звон. Молотом по обуху — три коротких, по наковальне — один долгий.

— В лесу у него есть молот?

— Брал малый. Корни для угля осматривал.

— А если молот потерян?

Злата вдруг подняла ладонь и постучала ногтями по столу: два раза быстро, потом один раз медленно.

— Он зубами так щёлкает, когда руки заняты. Меня зовёт. Меня это всегда бесило.

На её лице впервые за утро появилось что-то кроме злости. Не улыбка, а след улыбки, оставленный многими годами.

— Пиши, — сказала Варвара. — Семейный сигнал зубами. Не цена. Примета для поиска.

Они разделили Боривоевы навыки. Держать ровный жар по цвету углей. Узнавать трещину в железе по звону. Варить мягкое железо с твёрдым. Ковать обод без лишнего шва. Править лемех так, чтобы тот не уводил плуг. Подгонять подкову к копыту, не обжигая мякоть. Ни одно не оказалось лишним.

— Подковы может делать Молчан, — сказала Злата.

— Могу, — подтвердил сын. — Медленнее.

— Ободы тоже.

— Не все.

— Значит, научишься.

— Мать, если отец отдаст жар, он не сможет учить. Он будет смотреть на уголь и не понимать, когда железо готово.

Злата прижала клещи к груди. Это были Тишевы щипцы, чужая вещь, но никто её не поправил.

— Тогда пусть отдаст звон трещины. Железо можно осмотреть.

— Не всякую трещину видно. Лопнет обод на спуске — кто ответит?

— А если он не выйдет, кто ответит за это?

Ясна перестала писать. На бересте осталась недоведённая буква.

Варвара видела, как собравшиеся ищут взглядом старшего, судью, книгу — кого-нибудь, кто возьмёт на себя выбор. Она сама позвала их и теперь сидела во главе стола. Очень легко было сказать: отдайте редкий звон, сохраните жар. Очень легко — пока перед глазами не возникла телега с детьми на крутом берегу.

— Никакого решения сегодня здесь не будет, — произнесла она. — Мы запишем только последствия. Боровой услышит их и назовёт цену сам.

— Если сможет думать от голода, — бросил Молчан.

— Поэтому сегодня ищем его первым.

— А мою Марену второй? — спросил Олеш.

— Нет. И Боровая не первого.

Они устали на неё.

— Мы пойдём по следу, который найдём у межи. Если начнём назначать порядок здесь, потеряем день, бегая за лесом. Каждого придётся искать отдельно. Связка не сможет пройти одну тропу и вывести всех шестерых.

— Откуда ты знаешь? — спросила мать Клим.

— Пока не знаю. Но они вошли вместе, а вчера Боровой отзывался один. У каждой брошенной корзины корни легли по-разному. Лес уже разделил их.

Мать Клим ударила ладонью по столу.

— Тогда о моём сыне говорим сейчас. Вы всё про мастеров. А Клим что, хуже, потому что сапоги чинит?

Перед ней лежало шило с рукояткой из яблони. На ней были вырезаны четыре поперечные черты. Клим добавлял по черте после каждого года самостоятельной работы.

— Говорим, — ответила Варвара. — Что он умеет?

— Всё по коже.

— Снова слишком широко.

Оказалось, Клим выкраивал голенища, ставил заплатки, делал дратву, размягчал сыромять, снимал мерку, не касаясь больной ноги, и мог по старому сапогу понять, почему человек хромот. Последнее мать назвала пустяком.

— Он не лекарь. Посмотрит на подошву и ворчит: пятку наружу ставишь, колено береги.

— После его слов кто-нибудь менял обувь? — спросила Варвара.

— Я меняла, — сказала сестра Велены. — Он мне клин под каблук положил, когда я ребёнка носила. Спина перестала ломить.

— Мне подошву поднял, — отозвался Дрозд. — Я после того по льду не заваливался.

Ещё трое заговорили с лавок. Клим видел походку не хуже, чем Варвара — цвет больного языка. Отдать умение читать износ сапога казалось малой ценой, пока не выяснилось, что половина деревни благодаря ему не стирала колени до сорока лет.

— Но без этого он останется сапожником, — сказала мать.

— Останется, — согласилась Варвара. — Если умение действительно отделяется от края и починки.

— Устин знает, отделяется ли.

— Возможно.

— А ты нет.

— Нет.

Признание прозвучало хуже ошибки. Женщина отвернулась, и Варвара заставила себя не оправдываться. Открытый словарь начинался не со знания, а с мест, где его не было.

Тиш жил с младшим братом Силой. Брат долго молчал, разглядывая щипцы, которые Злата наконец вернула на стол.

— Он пилю правит, — сказал Сила. — Ещё деревья выбирает.

— Для рубки?

— Для чего угодно. Какое дерево на балку, какое на лодочную доску, какое лучше оставить. По кроне смотрит, по коре, по земле у корней.

Ратибор подался вперёд.

— Стропила на дом Лозиных он выбирал.

Варвара посмотрела на него.

— Отец говорил, сам ездил за лесом.

— Ездил. А Тишу тогда было пятнадцать, он при артели воду носил. Три сосны отвёл в сторону, сказал: сердцевина винтом. Твой отец рассердился, срубил одну назло. Когда раскололи, внутри и правда винт. Две другие оставил.

— Почему я этого не знала?

— Потому что твой отец не любил рассказывать, как мальчишка оказался прав.

По солодовне прошёл короткий смешок. Даже Сила улыбнулся. Потом провёл пальцем по губкам щипцов.

— Тиш говорит, что дерево сначала надо спросить, чем оно может стать. Глупость, конечно.

— Не глупость, — сказал Ратибор. — Я по срубам вижу форму, когда ствол уже свален. Он раньше видит.

— Может отдать правку пил, — быстро предложил Сила. — Пилы другой научится разводить.

— Научится, — согласился Ратибор. — За год. А пока лесорубы будут рвать полотно и валить дерево куда придётся.

— Ты хочешь, чтобы он дерево отдал? Его главное?

— Я хочу, чтобы он вышел. Но не буду врать, будто щипцы ничего не стоят.

Варвара отметила ещё одно семейное движение: Тиш, когда слышал знакомого, трижды скрёб ногтем по дереву. Сила знал это по их общей стене. Для леса звук мог ничего не значить, но для брата значил.

Велена оказалась не гребенщицей, как думала Варвара из-за костяного гребня, а повивальной помощницей. Гребень она носила, чтобы вычёсывать из шерсти репей, когда ходила за овцами, — сбор трав был её вторым промыслом. За последние два года Велена приняла одиннадцать родов вместе со старой повитухой и три — одна.

— Она ещё не повитуха, — сказала её сестра, укачивая ребёнка. — Но скоро стала бы.

Старая повитуха, сидевшая у двери, сухо заметила:

— Стала уже. Свидетельства только нет.

Умения Велены называли осторожнее, словно одно неудачное слово могло долететь до леса. Понимать по боли, как лежит ребёнок. Разворачивать плечо. Останавливать кровь давлением рук. Слышать, когда дыхание новорождённого вот-вот сорвётся. Успокаивать роженицу голосом. Различать безопасные и опасные схватки.

— Пусть отдаст овечьи травы, — сказала сестра. — Её без этого проживём.

— Какие именно? — спросила Варвара.

— Ну, травы. Что овцам от живота.

— Если сказать широко, лес может взять всё знание пастушьих растений. Среди них есть те же, которыми Велена останавливает кровь после родов.

Женщина закрыла ладонью рот.

— Тогда гребень. Пусть отдаст умение вычёсывать репей.

— Она умеет это как-то особенно?

— Не знаю. Все умеют.

— Лес берёт освоенное умение. То, что человек действительно умеет, понимает и может показать. Если Велена считает вычёсывание обычным движением, название может не удержаться.

— Устин сказал бы точнее.

Снова Устин. Его не было в солодовне, но деревянная книга лежала невидимо посреди стола, тяжелее всех шести вещей.

— Поэтому нам нужны его записи, — сказала Ясна.

— А пока их нет? — спросила сестра Велены.

— Пока не обещаем безопасного, — ответила Варвара.

Ребёнок у груди женщины засопел и нашёл ртом ткань рубахи. Велена помогла ему родиться. Если она отдаст даже малую часть ремесла и следующей зимой не сумеет повернуть застрявшее плечо, кто назовёт цену малой? Но если Велена останется в лесу до весны, кто примет роды у тех, чей срок придёт раньше?

Незаменимость оказалась ловушкой с обеих сторон.

Радогостова полотняная сумка была пуста, кроме нескольких крошек сушёной груши. Сосед Дрозд не знал о нём почти ничего полезного.

— Он ловушки ставит, грибы сушит, крышу может залатать. Как все.

— Как все — не значит плохо, — сказала Ясна.

— Я не сказал плохо. Я сказал: особого ремесла нет.

— Чем живёт?

— Сегодня одним, завтра другим. Весной плетни чинит, летом лодки смолит, осенью с нами на мельнице мешки таскает. Если кому работник на день нужен — зовут Радогоста.

Мать Клима фыркнула:

— Вот ему и проще. Отдаст что-нибудь одно.

Дрозд медленно повернулся к ней.

— Что именно? Он потому и жив, что умеет понемногу всё. Забери у кузнеца вязь железа — останется пять других дел. Забери у Радогоста хоть смоление лодки — зимой не заметишь, а весной ему нечем будет взять муку.

— Одно дело всегда найдётся.

— Для тебя найдётся. Ты ему работу дашь?

Женщина промолчала.

Варвара взяла пустую сумку. Ткань у ремня протёрлась, но была заштопана мелко и крепко. Возможно, шил сам Радогост. Возможно, Марена. Никто не знал.

— Кто знает его семейный знак? — спросила она.

Никто не ответил.

— Любимый зов? Песню? Как он откликается в лесу?

Дрозд потёр бороду.

— Не любит кричать. Если потерялся, садится и ждёт, пока другой подойдёт. Говорит, бегать за чужим голосом — верный способ уйти дальше.

— Разумно, — сказал Ратибор.

— Разумно в обычном лесу.

Они записали: не идёт на голос, ждёт у приметного места, оставляет три камня один на другом. Профессию назвать не смогли. Варвара велела Ясне написать: «Живёт множеством малых умений; потеря любого уменьшает число дней, когда он может заработать».

— Красиво пишете, — сказала мать Клима. — А есть ему что предложить?

— Нет, — ответила Варвара. — Пока нет.

Оставался шестой — глиняная свистулька Тиша? Варвара пересчитала предметы и поняла ошибку: Тишевы щипцы лежали перед Силой, а свистулька принадлежала не пропавшему. Лучик утром сам поставил её на стол.

— Чтобы они услышали, — объяснил мальчик, когда Варвара велела унести его домой. — Я посвищу у верёвки. Руками не могу, а птицей могу.

Шестым был костяной нож с тупым концом, который мать Клима держала на коленях. Но о Климе уже говорили. Варвара снова провела взглядом по именам.

Марена. Боривой. Тиш. Клим. Велена. Радогост.

Все шестеро были разобраны на строчки, но ни один не помещался в них целиком.

— Мы забыли не человека, — сказала Ясна. — Мы забыли спросить, зачем каждый вошёл.

Слова остановили спор.

Корзины нашли рядом, и все решили, что сборщики шли одной артелью. На самом деле Марена собирала ольховую кору для краски. Боривой искал корни старых углежогов, чтобы понять, где ставить новую яму. Тиш осматривал сухостой после бури. Велена брала кровохлёбку и пастушью сумку. Клим пошёл за берестой для колодок. Радогост нанялся нести корзины, но мог взять попутную работу.

— Они разошлись ещё до новой тропы, — сказала Варвара.

— Корзины были в одном месте, — возразил Олеш.

— Потому что лес собрал вещи у входа. Не людей внутри.

Ясна разложила карту и поставила возле каждой знакомой приметы свой предмет. Ольшаник был ниже по ручью. Старые углежожные ямы — к северу от сухого оврага. Бурелом тянулся к белому камню. Лекарственная поляна Велены лежала почти у нынешней межи, но тропа могла завернуть её внутрь.

— Клим резал бересту только с поваленных берёз, — сказала мать. — У живых не брал. Ратибор ткнул пальцем между оврагом и буреломом.

— После грозы там легли две старые берёзы.

— А Радогост? — спросила Ясна.

Дрозд пожал плечами.

— Мог пойти с любым.

— Или остаться между всеми, — сказала Варвара.

Она представила новую тропу не дорогой, в которую вошли шестеро, а сетью, подхватившей людей в разных местах и выбросившей их корзины к одному корню. Они искали связку там, где связки не было.

Дверь солодовни открылась.

Устин вошёл один, с деревянной книгой под мышкой. Разговор стих так быстро, что стало слышно воду под мельничным колесом.

— Вы позвали половину деревни обсуждать цены, — сказал он.

— Умения, — поправила Варвара. — Цену никто не выбрал.

Он подошёл к столу, прочёл верхние строки на бересте. Лицо его не изменилось, но палец задержался над записью о свадебном узоре Марены.

— Кто назвал это безопасной потерей?

— Никто.

— Тогда зачем записали?

— Чтобы Марена знала, что потеряет.

— Если вы произнесёте название у корня, лес услышит предложение.

— Мы не станем произносить у корня без её просьбы.

— Слова распускаются быстрее осторожности. К вечеру кто-нибудь уже скажет детям, что ткачиху можно выкупить свадебным узором. Завтра Олеш крикнет это в лес.

Олеш поднялся.

— Я не стану.

— Сегодня не станешь. На шестой день голода станешь.

— Поэтому ты берёшь землю заранее? Пока люди ещё способны торговаться?

Устин выдержал его взгляд.

— Поэтому я храню записи последствий и не раздаю названия на площади.

Варвара подвинула к нему бересту Боривоя.

— Тогда исправь ошибки.

— Нет.

— Ты пришёл только запретить?

— Я пришёл сказать, что сегодня цех ведёт одну связку к Боривую. Его сын подписал условие.

Молчан встал рядом с матерью.

— Я пойду.

— Нет, — сказал Устин. — Родной голос заставит его выбирать быстрее. Пойдут двое цеховых, я и Ратибор как независимый свидетель.

— Ратибор в нашей связке, — сказала Ясна.

— Верёвка его, и он лучше всех держит направление.

— Я пойду с Варварой, — ответил плотник. — Мы нашли шесть разных следов.

Устин посмотрел на карту. Теперь его лицо изменилось.

— Откуда это?

— Из того, зачем каждый вошёл в лес, — сказала Варвара. — Ты искал Боривоя по звуку. Но звук раздвоился. Его углежожные ямы у сухого оврага. Марене нужна ольха, Тишу — бурелом, Климу — поваленные берёзы, Велене — лекарственная поляна. Лес развёл их прежде, чем мы услышали первый удар.

— А Радогост?

— Не знаем.

— Значит, у вас пять догадок и один потерянный человек.

— У тебя один звук, который звучит с двух сторон.

Устин раскрыл книгу на краю стола. Деревянные листы тихо щёлкнули. Семьи потянулись ближе, но он прикрыл записи ладонью.

— Последний раз шестеро пропадали одновременно тридцать один год назад, — сказал он. — Тогда лес разделил их по тому, что они умели, а не по тому, куда шли. Гончара нашли у глины, певчего — там, где ветви повторяли голос. Если сейчас так же, ваша карта заведёт не туда.

— Что стало с теми шестью?

— Вышли четверо. Один остался до весны. Один умер.

— От чего?

— От поспешной цены. Отдал умение глотать воду маленькими глотками. Думал, останется обычное питьё. Осталось только захлёбываться.

В солодовне никто не шевельнулся.

Устин не украшал страшные истории. Тем они и действовали.

— Это записано? — спросила Варвара.

— Да.

— Тогда дай прочесть семьям.

— Чтобы кто-нибудь решил: раз нельзя глоток, отдам вдох между словами? Нет.

— Чтобы мы не называли простое движение малым.

— Вы уже называете.

Он указал на строку о репье в шерсти.

Сестра Велены быстро перевернула бересту лицом вниз.

Варвара почувствовала, как спор уходит в привычную колею. Устин был прав в каждом предупреждении и неправ в том, что делал из предупреждений собственность. Если сейчас продолжить, семьи услышат только двух мастеров, каждый из которых хочет владеть их страхом.

Она собрала листы.

— Сегодня не называем лесу ни одного умения, — сказала она. — Только ищем и несём припасы. Если найдём человека, спрашиваем, что он видит, что слышит и чего хочет. Решение — не раньше следующего входа.

— За это время он может ослабнуть, — сказал Молчан.

— Может. Но поспешная цена уже убила человека, и об этом нам сообщили только сейчас.

Устин закрыл книгу.

— Ты всё равно поведёшь людей?

— Одну связку. До первого найденного следа. Не к выбранному человеку.

— И если след будет Боривоя?

— Оставим еду, услышим его и вернёмся за последствиями. Если он сам потребует цену немедленно, ты сможешь назвать варианты, но при свидетелях и без сделки с семьёй за каждое слово.

— Ты распоряжаешься моей книгой.

— Нет. Я ставлю условие своей связке.

Ратибор поднял верёвку с лавки.

— Верёвка моя. Условие принимаю.

— И я, — сказала Ясна.

Олеш шагнул вперёд, но Варвара остановила его.

— По одному от семей не берём. Шесть родных голосов разорвут нас на шесть сторон.

— Тогда кто пойдёт?

Варвара назвала Ратибора, Ясну, Устину, цеховую травницу Бересту и себя. Пятый конец верёвки оставался для мешка с водой и пищей. У межи будут ждать семьи, но за жёлтый шнур не переступят.

— Почему Устин? — тихо спросила Ясна.

— Потому что его знание настоящее, даже если способ владеть им дурной.

Старший услышал.

— А твоё упрямство опасно, даже если причина справедливая.

— Значит, удержим друг друга.

Люди начали расходиться за плащами, фонарями и едой. Шесть вещей остались на столе. Варвара завернула каждую отдельно. Челнок Марены взял Олеш. Молчан принёс настоящий малый молот отца вместо Тишевых щипцов. Сила забрал щипцы. Мать Клима сунула яблоневое шило в рукав. Сестра Велены привязала гребень к зыбке. Пустую сумку Радогоста Дрозд отдал Варваре.

— Если найдёшь три камня, положи туда грушу, — сказал он. — Он поймёт, что я приходил.

У межи собралось больше людей, чем утром в солодовне. Лучик стоял впереди с глиняной птицей. Жёлтый шнур цеха провис от сырости. За ним начиналась та же тропа, но теперь Варвара видела в ней шесть дорог.

Ратибор обвязал всех одной верёвкой, оставляя между людьми по четыре шага. Устин встал предпоследним. Книгу он убрал в кожаный мешок и прижал ремнём к груди.

— Никаких названий умений, — повторила Варвара.

— Пока человек сам не попросит, — уточнил Устин.

— И пока не услышит последствия.
Молчан протянул ей отцовский молот.
— Если услышишь зубы — два коротких, один долгий.
Олеш ничего не передал. Только сказал:
— Марена поёт, когда боится. Не громко. Одну строчку про красную нить.
Сила постучал ногтем по межевому столбу трижды.
Сестра Велены прижала спящего ребёнка и прошептала:
— Она всегда отвечает младенцу, даже чужому.
Мать Клима сказала:
— Он режет яблоко тонко, насквозь не ломает. Не знаю, поможет ли.
Дрозд положил в Радогостову сумку сушёную грушу.
Шесть примет. Ни одна не была ценой. Это уже казалось большим достижением.
Варвара переступила жёлтый шнур.
Тропа встретила их запахом ольхи, хотя ольшаник лежал ниже по ручью. Через десять шагов справа ударил молот: три коротких, один долгий.
Молчан рванулся за шнуром, но соседи удержали его.
Слева кто-то запел про красную нить.
Прямо перед Варварой на мху лежали три камня один на другом.
Лес услышал все шесть имён и ответил сразу несколькими голосами.
Варвара не пошла ни на стук, ни на песню. Она опустилась перед камнями. Верхний был сухим, два нижних — мокрыми после утреннего дождя. Значит, сложили их недавно, уже после дождя. Между камнями торчала тонкая полоска яблоневого стружки.
Радогост не носил яблоневого ножа. Клим не складывал камни.
Двое прошли здесь вместе.
— Вот первый след, — сказала Варвара.
Она положила рядом сушёную грушу, но не развязала сумку с припасами.
За спиной Устин тихо произнёс:
— Значит, лес разделил не всех.
— Или снова свёл.
Ясна нашла на коре берёзы короткую царапину от шила. Ниже висела петля из дратвы, а в ней — клочок серой ткани Радогостовой куртки. Петля указывала не на стук и не на песню, а в узкий проход между двумя елями.
Оттуда не доносилось ни звука.
Варвара поднялась.
— Идём туда.
— Боривой зовёт, — сказал Устин.
— Мы не знаем, Боривой ли это. А здесь два человека оставили общий знак.
Ратибор проверил верёвку и первым повернулся к елям. Молот снова ударил справа. Песня повторилась слева теми же словами и на той же ноте, будто лес не помнил продолжения.
В проходе между елями пахло сапожным воском.
Варвара шагнула следом за Ратибором и поняла, что утром они принесли в солодовню не ответы. Они принесли единственное, чего не было в деревянной книге Устина: способы узнать живого человека прежде, чем начинать считать, какую его часть можно оставить лесу.

Глава 5. Умение имеет края

Между елями тропа стала уже человеческой ступни.

Ратибор шёл боком, чтобы не задевать ветви плечами. За ним двигалась Варвара, потом Ясна, Береста и Устин. Верёвка тёрлась о кору и осыпала им за ворот сухую хвою. Мешок с водой тащили по земле: поднять его на плечо было нельзя, ветви цепляли всё, что поднималось выше груди.

Пахло сапожным воском, дымом и чем-то сладким. Варвара сперва решила, что это сушёная груша из Радогостовой сумки. Потом наклонилась к мху и увидела мятые листья с мелкими зубцами.

— Мята, — сказала Береста.

Устин поднял ладонь.

— Не называй дальше.

— Я только растение назвала.

— В этом лесу сегодня любое название может стать предложением.

Береста недовольно затянула узел платка. Она была старше Варвары на десять лет и служила цеху столько, сколько Ясна жила на свете. За цеховой шнур выходила редко, зато помнила больше сушёных корней, чем иная травница видела живыми. Устин выбрал её не случайно: если придётся говорить о цене, Береста не спутает растение с умением.

Варвара растёрла лист между пальцами. Сладкий запах усилился, но под ним проступила болотная горечь.

— Здесь она не растёт, — сказала Ясна. — Слишком сухо.

— Её принесли, — ответила Варвара.

Через несколько шагов нашлась ещё одна веточка, придавленная каблуком. Потом кусок бересты с двумя дырками от шила. Клим и Радогост оставляли двойной след, как могли. Один знал кожу и обувь, другой — как не гнаться за голосами.

Справа снова ударил молот. Три коротких раза, один долгий. Теперь звук был ближе. Устин повернул голову.

— Боривой.

— Или то, что слышало Молчана у межи, — сказала Ясна.

— До межи этот сигнал знала вся солодовня.

— Вот именно.

Слева повторилась песня Марены. Одна и та же строка, без вдоха между концом и началом. Живой человек не мог петь так долго.

Ратибор остановился у двух сросшихся елей.

— Дальше прохода нет.

Тропа упиралась в стволы. Корни лежали поперёк, ветви смыкались сверху. Яблоневая стружка исчезла.

— Есть, — сказала Варвара.

На одном стволе темнело пятно воска. Клим провёл им по коре, а потом нажал шилом. Дырка уходила под корень, не прямо между деревьями, а вниз.

Ратибор разгреб хвою. Под ней обнаружилась полая земля. Вход был не больше печного поддувала, но когда он сунул туда руку, почва осыпалась и отверстие расширилось.

— Корень мостом лёг, — сказал он. — Под ним можно пролезть.

— Верёвка застрянет, — возразил Устин.

— Тогда снимем.

— Нет.

Первое твёрдое слово старшего за весь путь. Он опустился на колено и потрогал тёмную землю.

— За разрыв связки лес берёт направление. Снимете верёвку — выйдете каждый к своему голосу.

— А если не снимем, останемся здесь, — сказал Ратибор.

Варвара осмотрела корень. Под ним могла пройти Ясна, если выдохнет. Ратибор не пролез бы и без тулупа. Слева от входа росла тонкая ель, справа — сухая. Их можно было обойти, но за ними тянулась живая стена.

— Перевяжем связку тонкой бечевой, — предложила Ясна. — Основную протолкнём под корнем, а каждый будет держать бечеву, пока пролезает.

— Бечева оборвётся, — сказала Береста.

— Не оборвётся, если мы не станем тянуть человека. Она только сохранит касание.

Ратибор снял с пояса моток мерной нити. Ею плотники отбивали прямую линию на брус, натирая углём. Нить была тонкой, но крепкой.

Устин проверил её ногтем.

— Если лес считает связь по силе, это не поможет.

— А если по согласию идти вместе — поможет, — ответила Варвара.

— Ты проверяла?

— Нет.

— Тогда говори «может помочь».

Она кивнула. Правка была справедливой.

Первой полезла Ясна. Мерную нить обернули вокруг её запястья, толстую верёвку отвязали и протолкнули вперёд. Племянница легла на живот, вытянула руки и исчезла под корнем. На середине застряла пряжка пояса. Варвара слышала её дыхание и чувствовала дрожь тонкой нити.

— Назад? — спросила она.

— Нет. Пояс поверну.

Нить ослабла, потом снова натянулась. Через миг с другой стороны донёсся голос:

— Я здесь. Верёвку взяла.

Береста прошла второй. Варвара — третьей. Под корнем пахло холодной глиной. Земля давила на лопатки, и на один удар сердца Варваре показалось, что сверху лежит не корень, а весь их дом: печь, стол, материнский сундук. Стоило вдохнуть глубже — и половицы снова поднимутся.

Она выбралась, ободрав локоть. Ясна сразу обвязала её толстой верёвкой.

Ратибор не прошёл.

Он снял кафтан, пояс, сапоги. Лёг, вытянул руки. Плечи упёрлись в землю.

— Копать нельзя, — сказал Устин с той стороны.

— Сам вижу.

Ратибор выдохнул и повернулся на бок. Корень скрипнул. Ясна схватила верёвку, будто могла удержать дерево.

— Не тяни, — приказал плотник. — Если прижмёт, толкайте обратно.

Он двигался по толщине пальца, царапая землю лопаткой, не расширяя проход, а только снимая рыхлое. Когда выбрался, рубаха на спине была мокрой, а на плече остался багровый след.

Устин прошёл последним. Он не снял книгу. Кожаный мешок не помещался под корнем вместе с ним, и старший протолкнул его отдельно, но держал ремень двумя пальцами до тех пор, пока Ясна не взялась с другой стороны.

— Значит, книга тоже в связке, — заметила она.

— Книга не человек.

— Но отпустить её ты боишься сильнее, чем себя.

Устин ничего не ответил.

За елями начиналась низина. Вода стояла между кочками, хотя дождь был слабым. Здесь мята могла расти сама, но веточки на тропе были сорваны с корнем и уложены верхушками вперёд.

Варвара узнала болотную мяту окончательно: красноватый стебель, волоски на нижней стороне листа, горечь после сладкого запаха. Рядом росла похожая, полевая. Если сварить их поровну, здоровому человеку ничего не будет. Но болотную брали от тяжести в желудке по три листа, а полевой клали больше. Перепутать меру — получить рвоту вместо облегчения.

— Кто из них знает травы? — спросила Ясна.

— Радогост понемногу, — ответила Варвара. — Клим берёт кору и смолу. Мяту мог сорвать любой.

Береста показала на сломанный стебель:

— Срывали не любой рукой. Корень целый, боковые нити не оборваны. Так тянут, когда хотят пересадить.

— Или показать, что различают вид, — сказал Устин.

Варвара посмотрела на него.

— Ты думаешь о цене.

— Лес думает о цене. Мы вошли в его вопрос.

В низине было тихо. Исчезли молот и песня. Только вода капала с кочки на кочку, хотя дождя под ветвями не чувствовалось.

Они прошли ещё двадцать шагов. Мятные веточки привели к сухому островку. На нём стоял сапог.

Один, правый. Старый, залатанный на носке. В голенище торчало шило с яблоневого рукоятью.

— Клим! — крикнула Ясна.

Устин зажал ей рот ладонью. Она ударила его локтем и вырвалась.

— Не смей.

— Голос уже ушёл, — сказал он. — Слушайте.

Из-за деревьев откликнулось:

— Я здесь!

Голос Клим звучал справа.

Через мгновение тот же голос донёсся слева:

— Я здесь!

Потом спереди, тише:

— Не идите на голос.

Устин поднял два пальца: ждать.

Варвара прислушалась. Первые два ответа были одинаковы, до хрипа на последнем слове. Третий отличался. Человек втянул воздух перед «не», а после «голос» кашлянул.

— Клим, режь яблоню! — крикнула она.

Тишина.

Потом впереди раздался лёгкий частый скрежет.

Ратибор указал направление. Они пошли не на голос, а на звук ножа.

Клима нашли в круге молодых осин. Он сидел, прислонившись к стволу, босой на одну ногу. Рядом лежала палка, с которой он срезал тонкую стружку. Лицо осунулось, губы потрескались. Радогоста не было.

Увидев связку, Клим не обрадовался. Поднял палку как оружие.

— Кто вы?

— Варвара, Ясна, Ратибор, Береста и Устин, — перечислила Варвара. — Мы связаны одной верёвкой. У тебя одна нога босая. Правый сапог оставил у мяты.

Клим всмотрелся в неё.

— Что мать сказала?

— Что ты режешь яблоко тонко и не ломаешь до конца.

Палка опустилась.

— Значит, настоящая.

Ясна шагнула к нему, но Варвара удержала племянницу. Сначала осмотрела землю. Корни вокруг Клим лежали кольцом, не касаясь ног. На ближайшем светился бледный узел размером с лесной орех — не завязанный до конца, рыхлый.

— Ты уже называл цену? — спросил Устин.

Клим отвернулся.

— Радогост сказал не отвечать вам.

— Где он?

— Ушёл воду искать. Или за вами. Тут день всё время начинается сначала.

— Сколько раз ты ел?

— Два.

— Значит, прошло не больше суток, — сказала Береста.

— Или он дважды нашёл пищу, — поправила Варвара.

Она достала бурдюк. Клим потянулся, но Устин остановил её руку.

— Сначала спроси, что лес потребовал.

— Сначала вода.

— Если узел почти стянут, глоток может стать согласием.

Клим выругался.

— Он так и сказал. Сначала назови, потом получишь воду. Радогост дал мне свою, пока была.

Варвара присела на корточки, не заходя в круг.

— Чего ты назвал?

— Знание трав.

Береста шумно втянула воздух.

— Зачем?

— Потому что я не травник. Знаю мяту, кору для дубления, чем смолу от рук оттереть. Отдам и выйду.

— Лес принял? — спросила Ясна.

— Спросил какую мяту.

— Какими словами?

— Не словами. — Клим провёл ладонью по лицу. — Корень показал две. Я сказал: всякую. Узел затянулся вот так, а потом распустился.

Устин сел у края круга.

— Широкое название не удержалось. Ты не понимаешь границ всего знания трав.

— А мне надо понимать, что я теряю? Я согласен потерять всё, что знаю.

— Согласия мало, — сказала Береста. — Умение должно быть освоено как целое. Ты не знаешь «травы» целиком. У тебя несколько отдельных навыков.

Клим посмотрел на бурдюк.

— Тогда назову мяту.

— Какую? — спросила Варвара.

Он показал на веточки, которыми была выложена дорога.

— Болотную. Я различаю болотную и полевую. Болотную беру для отвара, когда живот встанет от плохой воды. Радогост не различает. Он сорвал полевую, я выкинул и нашёл эту.

Рыхлый узел на корне вспыхнул. Волокна стянулись плотнее.
Клим вскрикнул и схватился за горло.

Варвара вскочила.

— Ты согласился?

— Я только сказал, что умею!

Узел дрогнул, но не затянулся окончательно. Между светящимися нитями оставалась тёмная щель.

— Не повторяй название, — приказал Устин. — Лес принял границы, но не получил согласия.

— Дай воду.

— Скажи вслух, что не отдаёшь умение сейчас.

Клим перевёл взгляд с бурдюка на узел.

— Я не отдаю сейчас умение различать... — Он осёкся.

— Не называй снова, — сказала Варвара. — Скажи: «Это умение оставляю себе».

— Это умение оставляю себе.

Свет погас. Узел не исчез, но распустился до прежней рыхлости.

Устин кивнул Варваре. Она бросила бурдюк через корень. Клим поймал его обеими руками и пил жадно, захлёбываясь. Береста велела остановиться после пяти глотков. Он подчинился только после восьмого.

— Теперь хлеб маленькими кусками, — сказала она.

— Умение имеет края, — тихо произнесла Ясна, глядя на узел. — Широкое лес не смог взять, потому что Клим не владел им целиком. Точное узнал сразу.

— Не лес не смог, — поправил Устин. — Человек не смог честно назвать широкое своим умением.

— Разница есть?

— Большая. Если думать, что лес проверяет слова, начнёшь искать хитрое слово. Он проверяет соответствие между словом, рукой и пониманием.

Варвара запомнила это почти дословно. Такие вещи старший прятал в книге, хотя их можно было сказать у общего стола и спасти человека от опасной догадки.

— Что случится, если Клим отдаст различение двух видов? — спросила она.

Береста ответила первой:

— Перестанет видеть признаки, по которым отличал. Может запомнить названия и рисунок листа, но в живом растении рука не соберёт их в решение.

— Сможет научиться заново?

— Нет, — сказал Устин. — Не этому умению. Может освоить другое: всегда спрашивать знающего, выращивать одну мяту на грядке с табличкой, покупать готовый сбор. Но сам различать не научится.

Клим оторвался от хлеба.

— Подумаешь. Мяту у Варвары возьму.

— Когда выйдешь из леса, — сказала Варвара. — А если Радогост выпьет плохую воду сейчас?

Он перестал жевать.

— Он ушёл к ручью.

— Тому, который лес тебе показывает?

— Другого нет.

Варвара понюхала воду в небольшой деревянной чашке у Клим. Запах был чистым, но на краю остался сероватый ободок. В низине такая вода могла стоять над гнилым листом и вызвать резь. Клим знал средство. Если отдаст умение, не сумеет выбрать нужную мяту ни себе, ни Радогосту.

— Вот тебе последствие, которого ты не видел, — сказала она. — Это не доказательство, что умение нельзя отдавать. Но решать до возвращения Радогоста нельзя.

— А если он не вернётся?

— Тогда сначала найдём его.

— Я могу выйти и привести вас обратно.

Устин покачал головой.

— Не сможешь. После выхода тропа для тебя закроется до сезонного размыкания. И ты забудешь не людей, а направление к ним.

— Это тоже цена?

— Нет. Свойство границы.

— Удобное для твоей книги.

Клим говорил сердито, но уже не смотрел на узел. Он ел маленькими кусками, как велела Береста.

Ратибор обошёл круг. В одном месте корни расходились на ширину сапога.

— Его можно вывести без обмена по нашей верёвке?

— Нет, — ответил Устин. — Связка приводит к человеку, но не переносит через его границу. Видишь кольцо? Для нас корень лежит на земле. Для Клима это межа. Он может переступить только после принятой цены или при весеннем размыкании.

Клим вытянул босую ногу. Пальцы коснулись промежутка между корнями. Воздух дрогнул, словно над горячей плитой, и ногу отбросило назад.

— Уже пробовал, — сказал он. — До крови не бьёт, но дальше не пускает.

— Почему сапог снаружи? — спросила Ясна.

— Снял раньше. Думал, он мне ногу держит. Швырнул и увидел: вещи проходят.

— Значит, можем передавать еду.

— Пока лес считает, что еда поддерживает выбор, а не заменяет выход, — сказал Устин.

— И это в книге записано? — спросила Варвара.

— Три случая. В двух пищу принимал семь дней, в одном — до первой ночи.

Клим сжал хлеб.

— Почему мне никто об этом не сказал до леса?

— Потому что до леса люди верят, что с ними такого не случится.

— Нет. Потому что ты книгу закрываешь.

Устин не нашёл быстрого ответа. Или не захотел отвечать человеку, который сидел внутри корневого кольца и зависел от его советов.

Из-за осин донёсся хруст.

Ратибор поднял топор. Ясна натянула верёвку. Варвара приготовила нож, хотя понимала, что нож против леса — только привычка руки.

На тропу вышел Радогост.

Он был худой и серый от усталости, но шёл сам. На плече висела связка мокрых ветвей. В руках он нёс берестяной короб с водой.

— Я же сказал не звать, — обратился он к Климу.

Потом увидел связку и остановился.

— Настоящие?

— Дрозд положил тебе сушёную грушу между тремя камнями, — сказала Варвара. — Мы нашли твою ткань в петле Клима.

Радогост оглядел каждого, задержался на Устине.

— Книгу принёс. Значит, цена будет дорогая.

— Цену выбираешь ты, — ответил старший.

— А за подсказку платит деревня.

— Сейчас никто не подписывает сделку, — сказала Варвара.

— Потому вы и дошли так поздно?

В его голосе не было благодарности. Варвара приняла это. Благодарность от голодного человека за то, что ему не дали воды раньше, была бы удобной ложью.

Радогост поставил короб. Вода внутри пахла железом.

— Пить нельзя, — сказал Клим. — Нужна болотная мята.

— Тут её полно.

— Ты полевую набрал.

— Разницы нет.

Клим показал на рыхлый узел.

— Есть. Лес уже спрашивал.

Радогост подошёл к кольцу, но Варвара остановила его:

— Ты сам удерживаешься чем?

Только теперь она увидела корни вокруг его ног. Они двигались за ним под мхом, образуя круг каждый раз, когда он переставлял ногу. Его граница была подвижной.

— Ничем, — сказал он. — Хожу где дают. К Климову кругу возвращают.

— Называл умение?

— Латать крыши.

— Лес принял?

— Показал мне крышу после ветра, крышу после огня и крышу, у которой сгнила слега.

Спросил, какую латаю. Я сказал: любую, если хозяин материал даст. Он показал ещё десять. Я замолчал.

Ясна посмотрела на Варвару. Радогост тоже предложил широкое название, которым считал одно из своих малых умений. Лес разложил его на разные решения.

— Хочешь выйти сейчас? — спросила Варвара.

— Хочу. Но не буду отдавать первое, что ему понравится.

— А если ждать до весны?

— Доживу — выйду без платы. Не доживу — никакая крыша мне не понадобится.

Он сказал это спокойно, без вызова. Устин нахмурился.

— До весны далеко. Пищу лес может перестать пропускать.

— Может. А может не перестать.

— На таких надеждах умирали.

— На твоих точных советах тоже, раз книга такая толстая.

Клим протянул ему хлеб через корни. Радогост взял. Лес не помешал.

— Пока двое вместе, у них больше причин не спешить, — сказала Варвара. — Оставим воду и еду. Вернёмся завтра с проверенными последствиями.

— Завтра тропа может вести к другому человеку, — возразил Устин.

— Тогда оставим метки с обеих сторон елового прохода.

— Лес переставит их.

— Клим и Радогост снова сделают общий знак.

Клим поднял шило. Радогост — три камня из кармана.

Варвара спросила, хватит ли им воды. Клим показал две пустые фляги. В связке несли один большой бурдюк и два малых. Половину можно было оставить, но обратная дорога могла растянуться.

— Отдадим большой, — сказал Ратибор.

— Себе оставим по глотку, — добавила Ясна.

Береста пересчитала людей и расстояние. Устин не спорил. Они перебросили в круг Климa хлеб, сыр, бурдюк, огниво и сухой трут. Радогост мог войти к нему — его подвижные корни разошлись перед неподвижным кольцом, словно признали двоих одной стоянкой.

— Почему лес свёл вас? — спросила Варвара.

Радогост пожал плечами.

— Потому что я ничего не умею достаточно хорошо, а он слишком хорошо знает ноги.

Клим усмехнулся:

— Он натёр пятку в первый час. Я велел снять сапог и переложил стельку.

— Вот видите. Незаменимый мастер.

Варвара не засмеялась. Лес мог свести их именно потому, что умения одного поддерживали другого. Клим различал растение для безопасной воды. Радогост находил путь, не доверяя голосам, и собирал всё понемногу. У каждого в отдельности цена казалась малой. Вместе становилось видно, что малые умения держат жизнь так же, как тонкие корешки держат берег.

— Не называйте новых цен до нашего возвращения, — сказала она.

— А если лес спросит? — спросил Клим.

— Ответьте, что не решились.

Устин открыл было рот, но Радогост опередил:

— Это он понимает. Я уже говорил.

— И что случилось?

— Круг перестал сжиматься.

Старший вынул книгу, нашёл чистый деревянный лист и сделал зарубку костяным пером.

— Этого случая у тебя не было? — спросила Ясна.

— Был отказ. Не было остановки сжатия после слов «не решил».

— Значит, книга не знает всего.

— Ни одна книга не знает всего.

— Тогда почему ты требуешь слушаться её как леса?

Устин спрятал перо.

— Потому что неполная память лучше уверенного незнания.

— А общая неполная память лучше твоей, — сказала Варвара.

Он посмотрел на неё долго, но спорить при Климе и Радогосте не стал.

Обратная дорога открылась за осинами. Елового лаза больше не было. Тропа шла ровно, словно лес решил: тем, кто уходит без человека, препятствия ни к чему.

У межи семьи увидели пустую связку и заговорили одновременно. Мать Клима бросилась к Варваре. Дрозд схватил Радогостову сумку, заметил, что груши нет, и понял раньше других.

— Живы, — сказала Варвара. — Клим и Радогост вместе. Мы оставили воду и пищу. Сегодня никто не выходит.

— Почему? — крикнула мать Клима.

— Потому что он назвал слишком широкую цену, а точная оказалась не такой малой, как думал.

Устин шагнул рядом.

— Не произноси здесь название.

— Не произнесу. Но правило скажу всем.

Она встала по эту сторону жёлтого шнура. Люди затихали медленно.

— Умение имеет края. Нельзя отдать «все травы», если человек знает лишь несколько отдельных действий. Лес не принимает слово шире настоящего навыка. Точное умение он узнаёт сразу. Но точность не делает потерю безопасной. Прежде чем согласиться, человек должен увидеть, где ещё пользуется этим умением и кто от него зависит.

— И что теперь? — спросил Молчан. — Ещё собрание?

— Теперь запишем не названия для обмена, а вопросы. Что останется? Чего человек больше не сможет сделать? Можно ли обойти потерю другим способом? Кто пострадает вместе с ним? И только потом понесём ответы внутрь.

— Пока мой отец ждёт?

Справа за межей ударил молот: три коротких, один долгий.

Молчан вздрогнул.

Варвара посмотрела на Устину. Старший держал книгу обеими руками. Теперь они знали, что лес повторяет услышанное. Но не знали, был ли среди повторов хотя бы один настоящий удар Боривоя.

— Завтра идём по его ремеслу, а не по звуку, — сказала она. — К старым углежогным ямам.

Молчан хотел возразить, но Злата взяла сына за руку.

— Сначала вопросы, — сказала она. — Про жар. Про звон. Про всё.

Устин разрезал жёлтый шнур у столба и связал его заново, оставив узел слабым. Варвара заметила это, но не спросила. Возможно, старший хотел показать, что вход по-прежнему закрыт. Возможно, впервые оставлял возможность развязать его без ножа.

Дома корень поднял печь ещё на толщину ногтя. Дарья сидела среди вынесенных горшков и перебирала материнские полотенца. Услышав шаги, она не спросила о пропавших.

— Староста нашёл участок, — сказала она. — За колодцем. Земля каменная, зато внутри старой межи.

— Это хорошо.

— Это не дом.

— Нет.

Дарья разгладила полотенце на коленях.

— Ты хоть кого-нибудь вывела?

— Нашла двоих. Оставила им еду.

— Значит, вернулась с пустыми руками.

Варвара посмотрела на свои ладони. Под ногтями была болотная земля, на локте засохла кровь, пальцы пахли мятой. Она могла назвать растение, его меру, пользу и вред. Но если лес спросит, где заканчивается её умение различать травы и начинается умение лечить, ответ окажется не короче человеческой жизни.

— Не с пустыми, — сказала она. — Я вернулась без чужого умения в корнях.

Дарья подняла на неё усталые глаза.

— Скоро тебе придётся решить, что важнее: не потерять ничего или вернуть человека.

— Придётся.

Под полом тихо треснуло дерево.

Варвара знала: сестра говорит не только о лесе. У дома тоже были края. Стены, сад, могила, память, безопасность — всё это они называли одним словом, будто слово делало цену понятной.

Но дом, как умение, нельзя было честно отдать, не разобрав, из чего он состоит.

Глава 6. Книга деревянных зарок

К утру цеховой двор пах мокрой щепой.

Перед навесом поставили три длинные скамьи, вынесли стол для весов и сняли с двери обычный зелёный шнур. Так делали только в дни открытого приёма, когда любой житель Кромки мог принести сушёную траву, пожаловаться на лекаря или спросить о записи в книге зарок. Варвара помнила четыре таких дня за последние десять лет. Ни один не назначали наспех, после ночи, проведённой шестерыми людьми в лесу.

Устин пришёл первым. Поставил деревянную книгу посередине стола и положил по обе стороны два камня, чтобы сырой ветер не шевелил нанизанные на ремешки листы. Книга была толщиной в ладонь. Светлые дощечки чередовались с потемневшими, на некоторых зарубки забили смолой, на других слова выжгли тонким жалом. Бумагу в Кромке берегли для писем и счётных книг. Дерево лучше переносило лесную сырость и хуже — исправления.

Варвара села не напротив старшего, а сбоку, чтобы книгу видели семьи. Рядом устроились Ясна с угольной палочкой и Ратибор с куском гладкой бересты. Дарья не пришла. С рассвета она вместе со старостой мерила каменный участок за колодцем и обещала вернуться к полудню.

Мать Клима встала перед столом ещё до того, как Устин объявил приём открытым.

— Покажи, что будет, если он отдаст различие мяты.

— Я покажу похожие случаи, — сказал Устин. — Точно такого в книге нет.

— Ты вчера записал.

— Я записал вопрос. Утраты ещё не было.

Он нашёл дощечку с тремя круглыми отверстиями у края. На лицевой стороне был выжжен лист с зубчатым краем, на обороте — семь коротких строк.

— Двадцать восемь лет назад, — прочитал Устин, — сборщик Микула Ровня отдал умение отличать съедобный щавель от конского по вкусу молодого листа. После выхода различал растения глазами, когда видел целиком, но не мог проверить измельчённую зелень. Однажды сварил похлёбку из чужой заготовки и отравился сам. Выжил. Больше не готовил вне дома.

Мать Клима нахмурилась.

— Мой сын мяту глазами различает.

— Пока различает. Мы не знаем, где у него держится навык: в запахе, вкусе, виде листа или во всём сразу.

— Значит, надо спросить.

— Надо проверить до вопроса леса, — сказала Варвара. — Здесь, на четырёх растениях, свежих и сушёных. Пусть Клим сам покажет, что делает рукой и что замечает.

Ясна записала на бересте: «Не считать название способом. Сначала показать действие».

Устин взглянул на строку, но не возразил.

Следующим подошёл Молчан. Он принёс кузнечные клещи, молоток и три железных прута. Положил всё с таким грохотом, что люди на скамьях замолчали.

— Отец умеет держать ровный жар, — сказал он. — Ты вчера это слышал. Какие были случаи?

Устин перелистнул четыре дощечки, потом ещё две.

— Есть потеря умения различать жар по цвету. Есть — поддерживать горн одним мехом. Есть — закаливать серп в дождевой воде. «Держать ровный жар» записано дважды, но последствия разные.

— Читай оба.

— Первый человек был пекарем. После обмена не мог удержать одинаковый огонь в печи: хлеб то горел, то оставался сырым. Второй жёг уголь. Огонь держать мог, но перестал понимать, когда закрывать яму дёрном.

— Одни слова, разные потери?

— Люди владели разным делом и одинаково его называли.

Молчан взял один прут и постучал ногтем.

— Отец слышит, как меняется железо. Если отдаст жар, слух останется?

— Не знаю.

Ответ старшего произвёл на людей больше шума, чем уверенная ложь. На задней скамье кто-то сказал, что за незнание цех не должен брать ни землю, ни телят. Другая женщина ответила, что открытая книга хотя бы показывает прежние беды. Устин переждал голоса.

— Я не продаю обещание безопасности, — сказал он. — Я продаю разбор того, что уже случилось.

— Тогда почему цена как за безопасность? — спросила Злата, жена Боривоя.

Устин не отвёл глаз.

— Потому что память собирали люди цеха. Они ходили внутрь, принимали выходящих, кормили семьи и годами проверяли последствия.

— На нашей еде, — сказал Олеш. — Нашими ногами. С нашими утратами.

— И руками цеха.

Варвара провела пальцем по краю ближайшей дощечки. На ней были три разных почерка: глубокие старые зарубки, мелкие косые знаки и ровные буквы самого Устина. Книга не принадлежала одному человеку. Но это ещё не означало, что она принадлежала всем.

— Покажи не только случаи, — сказала Варвара. — Покажи, как ты выбираешь из них совет.

— Нет.

— Почему?

— Потому что люди унесут названия без проверок. Сегодня кто-нибудь услышит про щавель, завтра предложит лесу «различать два листа» и только после выхода поймёт, что тем же движением выбирал лекарство для ребёнка.

— Мы просим проверки, а не готовые названия.

— Проверка без опыта становится обрядом. Человек повторит четыре вопроса и решит, что сделал всё необходимое.

Ясна подняла угольную палочку.

— Тогда покажи один раз. На Боривое. При всех. Не называй цену за него, а разбери его ремесло.

Молчан выложил на стол последний предмет — маленькую железную пластину, выгнутую лодочкой.

— Отец сделал пробу перед уходом. По ней можно понять жар.

Устин взял пластину щипцами, хотя она была холодной. Посмотрел на пузырьки, провёл ногтем по тёмному краю.

— Сначала выясняют не то, что человек готов отдать, а то, ради чего он хочет выйти, — сказал он после паузы. — Если ради работы, нельзя советовать потерю, которая уничтожит заработок. Если ради семьи, проверяют, не держится ли на том же умении безопасность семьи. Потом дело делят на действия. Не по словам мастера, а по вещам, которые он сделал за последний год.

Ясна быстро записывала.

— Дальше?

— Дальше спрашивают троих: самого мастера, человека его ремесла и того, кто живёт рядом. Они видят разные края навыка.

— Как мы сделали в солодовне, — сказал Молчан.

— Похоже. Но вы называли умения вслух до встречи с заблудившимся. Если лес уже слушает через человека, вы могли поднести ему готовое предложение.

— Поэтому названия остаются снаружи, — сказала Варвара. — Внутрь несём только вопросы и вещи для проверки.

Устин нахмурился, словно она взяла его собственную мысль без разрешения.

— Потом ищут случаи в книге. Не один похожий, а противоположные. Если два человека после одной цены потеряли разное, название считают опасным и сужают. Если одинаково — всё равно проверяют, что у нынешнего человека иначе. И последнее: совет дают не раньше следующего утра.

Мать Климата ударила ладонью по столу.

— Следующего? Он там без воды сидел!

— Поэтому сперва вода, еда и тепло, — сказал Устин. — Я вчера ошибся, когда задержал бурдюк у его круга.

На дворе стало тихо.

Варвара не ожидала признания. Судя по тому, как Береста у двери опустила глаза, цеховые тоже.

— Запиши, — сказала Ясна.

— Что?

— Что вода не плата и не знак согласия. Чтобы следующий старший не решал заново.

Устин перевернул чистую дощечку. Костяное перо только царапало дерево, для букв требовалась сажа со смолой. Береста принесла плоскую. Старший вывел строку медленно: «Пища, вода, тепло и помощь раненому не составляют обмена и не подтверждают согласия».

— Кто свидетель? — спросила Варвара.

— Я.

— Этого мало. Ты сам учишь спрашивать троих.

К столу вышли мать Климата и Ратибор. Устин вырезал под строкой три знака: ветку вейника, короткий сапожный нож и плотницкий угольник. Потом передал дощечку им. Каждый провёл ногтем по сырой записи.

Первое общее правило оказалось не названием цены. Оно запрещало превращать нужду человека в согласие.

После этого приём пошёл иначе. Люди подходили по одному, но оставались возле стола, слушали чужие случаи и дополняли их.

Олеш принёс свадебное полотенце Марены. На красной кайме шли два ряда птиц, а между ними — узор из связанных колосьев.

— Она может отдать этот узор, — сказал он. — Других у неё много.

— Может решить, что готова отдать, — поправила Варвара. — Сначала края.

Олеш кивнул не сразу.

Устин нашёл три записи о ткачах. Одна женщина после выхода могла ткать полотно, но не умела считать нити для узора. Другой мужчина потерял способность натягивать основу на широкий стан. Третья ткачиха отдала умение повторять рисунок по памяти и сохранила работу только по размеченной дощечке.

— Где она жила? — спросил Олеш.

— В Кромке.

— Кто?

Устин закрыл пальцем имя.

— Семья просила не объявлять.

— Если давно умерла?

— Просьба не умирает сама.

Варвара согласилась. Открытая память не должна была превращаться в выставку чужого стыда. Можно было назвать действие, последствия и время, не отдавая имени толпе.

Ясна подошла ближе к книге.

— Эта ткачиха вышла сорок лет назад?

— Тридцать девять.

— А цех начал продавать размеченные узорные дощечки когда?

Береста у двери подняла голову.

— При старшем Чебреце. Я ещё ученицей была.

— После этого случая?

— Через год или два.

Олеш положил ладонь на полотенце.

— Кто придумал дощечки?

— Цеховой резчик, — ответил Устин.

— Имя.

— Савел Пижма.

— Он был ткачом?

— Нет.

Ясна провела угольную черту на бересте.

— Значит, женщина потеряла умение держать рисунок в памяти. Цех записал последствие. Потом цеховой работник начал продавать вещь, которая заменяет утраченное.

— Заменяет не полностью, — сказала Береста. — Дощечка помогает любому ткачу.

— Тем более. Хорошее изобретение. Почему в книге не сказано, откуда пришла задача?

Устин вернул дощечку на ремешок.

— Потому что книга хранит зарок, а не историю инструментов.

— Очень удобно разрезать одну историю на две, — сказал Олеш. — В первой человек теряет. Во второй цех изобретает.

По скамьям прошёл гул. Варвара заметила, как Устин сжал край книги. Он мог прекратить приём: двор принадлежал цеху, дощечки тоже. Но закрыть книгу теперь означало подтвердить худшее подозрение.

— Ищи дальше, — сказала Ясна.

— Что именно?

— Утраченный навык и вещь, которая потом появилась у цеха.

— Это не доказательство присвоения.

— Пока нет.

Устин мог запретить ей касаться листов. Вместо этого отвязал верхний ремешок и разложил дощечки веером. Возможно, хотел показать, что скрывать нечего. Возможно, надеялся утопить вопрос в сотне зарубок.

Варвара читала медленно. Большинство записей не имело продолжения. Человек утрачивал умение ставить силки, плести рыбацкий узел, различать близнецов по плачу, узнавать дождь по запаху пыли. Цех отмечал последствия через день, луну и год. Иногда рядом появлялся маленький знак листа — помощь травами. Знак ладони означал переобучение. Закрашенный круг — человек умер до третьей проверки.

Ясна не читала подряд. Она смотрела на поля.

— Вот здесь новый знак, — сказала она.

На дощечке о женщине, потерявшей умение сушить корень белохвоста без почернения, был вырезан гребень из пяти зубцов.

Береста объяснила:

— Сушильная рама.

— Что она означает?

— Человеку дали раму с пятью полками. На каждой своя высота и сквозняк. Корень сушится ровнее.

— Кто сделал?

— Цех. Тогда ещё общая мастерская.

— Кто пользовался потом?

— Все цеховые травники.

— А семья женщины?

Береста молчала слишком долго.

— Она не была цеховой, — сказал Устин. — Раму ей оставили до смерти.

— А после забрали?

— Она принадлежала цеху.

Ясна положила рядом обе дощечки: ткачихи и сушильщицы.

— Один раз можно назвать случайностью. Два раза — привычкой.

Устин потёр переносицу.

— Навык не переходил к работнику. Мы наблюдали утрату и создавали обход. Это не кража умения.

— Лес не отдаёт узлы людям, — сказала Варвара. — Но чужая потеря показывает задачу. Цех решает её, оставляет решение себе и ещё берёт плату с семьи за совет.

— Если решение создавал цеховой мастер, разве его труд ничего не стоит?

— Стоит. И утрата человека стоит. Почему в цене учитываете только первое?

На это Устин не ответил.

Ратибор тем временем нашёл запись о плотнике. Тот отдал умение определять прямой угол без угольника. Через два года в перечне цеховых вещей появился складной угол с костяным упором. Запись сделал не травник, а мастер, которого цех нанял для нового лекарского дома.

Молчан вспомнил меха с двумя грузами, которые сами держали ровный нажим. Их поставили в цеховой сушильне после того, как углежог утратил умение поддерживать жар одним мехом и поступил туда истопником.

— Он сам придумал грузы? — спросила Варвара.

— Не знаю, — сказал Устин.

— В книге есть его знак?

Знака не было.

К полудню Ясна насчитала семь совпадений. Два отпали сразу: приспособления существовали до утраты. В одном случае семья получила долю с продажи. Четыре оставались без ясного ответа. Цех мог честно искать обход, чтобы помочь человеку. Мог использовать наблюдение ради общей пользы. Мог присваивать находку, потому что умел записать её раньше остальных. Одинаковые дощечки не говорили, где кончалась помощь и начиналась нажива.

— Я хочу видеть счётную книгу, — сказал Олеш.

— Сегодня приём по зарокам, — ответил Устин. — Счётная книга хранится у казначея.

— Значит, завтра у казначея.

— Сначала выведем людей.

— Одно другому не мешает, — сказала Ясна.

Устин собрал дощечки в стопку. Люди решили, что приём окончен, но он оставил книгу раскрытой на чистом листе.

— Вы увидели способ разбора, — сказал он. — Увидели и его слабость. Запись о последствиях не знает всего человека. Три свидетеля могут ошибиться. Отсрочка может убить того, у кого нет воды. Приспособление может помочь после утраты, но не вернуть умение. Если вы сделаете общую книгу, всё это останется.

— Останется, — согласилась Варвара.

— Тогда зачем ломать цеховую?

— Чтобы ошибка одного старшего не становилась законом для всех.

— А ошибка толпы?

— Тоже не должна. Решение всё равно принимает тот, кто платит умением. Книга даёт ему вопросы, не приказ.

Мать Клима поднялась со скамьи.

— Мой сын вчера так и сделал. Не решил — и круг перестал сжиматься.

— Один случай, — сказал Устин.

— Первый записанный, — поправила Ясна.

Она перевернула свою бересту. На обратной стороне были семь имён: не заблудившихся, а тех, кто согласился переписывать открытые случаи. Ратибор отвечал за ремесленные вещи, Береста — за лекарские последствия, Злата — за домашние навыки, Молчан — за кузнечное дело. Мать Клима потребовала оставить рядом пустое место для сына, если он выйдет и захочет рассказать сам.

Устин прочитал список.

— Ты уже назначила хранителей?

— Они сами назвали себя свидетелями.

— Где будете держать книгу?

— Не в одном месте, — сказала Ясна. — Один случай — на трёх берестах. У семьи, у ремесленника и в солодовне.

Варвара посмотрела на племянницу. До этой минуты она представляла общий словарь одной толстой книгой, такой же, как цеховая, только доступной. Ясна увидела опасность точнее: любую единственную книгу можно закрыть, унести или уронить в огонь.

Устин тоже понял.

— Три копии дадут три разных ошибки.

— Тогда раз в луну будем читать их рядом.

— На это нужны время и люди.

— Цех ведь берёт за это плату, — сказал Ратибор. — Значит, труд и правда чего-то стоит. Решим, чем платить писцам, не отдавая им право владеть чужой утратой.

С дальнего конца деревни ударил колокол. Не тревога — два медленных удара, созывающих к дневному столу. Варвара только теперь почувствовала голод.

У ворот появилась Дарья. Подол был в белой глине, в руке она держала мерную верёвку. Она оглядела толпу, раскрытую книгу, разложенные орудия и полотенце Марены.

— Пока вы делите чужое знание, корень вошёл в кладовую, — сказала она Варваре. — Ещё одна балка треснула.

— Ратибор посмотрит после еды.

— Ратибор нужен всем. Нам он достаётся после еды.

Ратибор начал собирать инструменты, но Дарья остановила его.

— Я не упрекаю тебя. Я хочу, чтобы сестра слышала порядок, который сама выбрала.

Варвара слышала. Сначала вода чужому сыну. Потом открытая книга. Потом собственная кладовая. Каждый выбор казался правильным отдельно и складывался в дом, который продолжал ломаться без неё.

— Что с участком? — спросила она.

— Внутри межи. Камня столько, что сад не посадишь. До колодца близко. Староста готов отдать без платы, если мы сами перенесём дом.

— Мы не решили переносить.

— Лес решает быстрее нас.

Дарья положила мерную верёвку рядом с деревянной книгой.

— Вот длина стены, которую можно поставить на новом месте. На два локтя короче старой. Выбирай теперь не слово «дом». Выбирай, какую комнату потеряем.

Она ушла, не дожидаясь ответа.

Устин закрыл книгу. На этот раз никто не пытался его остановить.

— Видишь? — тихо сказал он Варваре. — Пока решение общее, цена всегда падает на чей-то отдельный двор.

— В твоём порядке она тоже падала. Только семья узнавала об этом после сделки.

— Я хотя бы умею считать.

— Тогда посчитай девять домов, а не один мой.

Устин перевязал ремни. На мгновение его ладонь легла на дощечку о сушильнице, и Варвара заметила на обороте стёртый знак. Не цеховой лист, не свидетельская ладонь. Маленький дом с косой крышей.

— Чей знак? — спросила она.

Старший перевернул дощечку гладкой стороной вниз.

— Семьи.

— Почему стёрт?

— Потому что дом продали цеху за долги.

— После её утраты?

Устин затянул ремешок.

— Через три года.

Ясна услышала. Угольная палочка замерла над берестой.

— Рама осталась цеху, дом достался цеху, а женщина что получила за случай?

— Возможность выйти живой.

— Её дал лес за её умение, — сказала Варвара. — Не цех.

Устин поднял книгу. Она была тяжёлой, и всё же он держал её одной рукой, привычно, как продолжение собственного тела.

— Завтра у старых углежожных ям вы захотите, чтобы я нашёл нужную дощечку раньше, чем Боровой согласится на дурную цену.

— Захотим.

— И возьмёте мою память, хотя не признаёте моего права распоряжаться ею.

— Признаем твой труд. Не признаем право назначать за него чужую землю и молчание.

Устин посмотрел на мерную верёвку Дарьи.

— Легко говорить о чужой земле.

— Моя уже трещит.

Он ушёл в цех. Береста осталась у двери, будто ещё не решила, с какой стороны зелёного шнура стоит.

Ясна посыпала свежие строки золой, чтобы уголь не размазлся.

— Я думала, они получают умения из узлов, — сказала она.

— Нет. Лес не отдаёт.

— Получается хуже и лучше сразу. Они не крадут чужие руки. Они смотрят, чего лишился человек, придумывают замену и называют её своей.

— Иногда замена спасает.

— Иногда приносит деньги.

— Одно не отменяет другого.

Варвара свернула бересту. В открытой книге уже были первое правило, семь свидетелей и пять случаев, требующих проверки. Этого не хватало, чтобы вывести хотя бы одного человека. Но теперь книга начиналась не с названия жертвы, а с запрета торговать водой.

За цеховой стеной стукнули деревянные листы. Устин запирали старую память в сундук.

На площади люди переписывали новую тремя руками.

Варвара взяла мерную верёвку сестры. На ней два узелка отмечали старую стену, ещё два — новую. Между ними оставался кусок длиной в комнату.

Его нельзя было назвать малой потерей только потому, что дом после неё продолжит стоять.

Завтра в лесу им предстояло не назвать за Боровя цену, а показать ему края каждого возможного умения. Сегодня Варваре нужно было сделать то же самое дома.

Глава 7. Первая связка

У старых углежожных ям земля была чёрной даже под мхом.

Варвара раздвинула зелень носком сапога и увидела мелкую угольную крошку. Ямы забросили ещё до рождения Ясны: лес подошёл слишком близко, и ни один углежог не хотел просыпаться внутри новой тропы. Теперь между круглыми впадинами лежала красная нить.

Она тянулась от орешника к сухой берёзе, зацеплялась за сучья и исчезала в папоротнике. Марена красила такой нитью край свадебных полотенец. Варвара наклонилась, не касаясь её.

— Настоящая? — спросил Молчан.

— Проверим по узлу.

Олеш показал вчера, как жена связывает оборванную основу: не простым узлом, а двумя петлями навстречу, чтобы утолщение не застревало в берде. На ветке были именно две петли. Одна затянута ногтем, другая оставлена рыхлой.

— Марена, — сказала Ясна.

Молчан посмотрел в сторону, откуда утром доносились удары Боривоя.

— Мы шли за отцом.

— И нашли след другого человека, — ответила Варвара. — Его нельзя бросить ради звука, который лес уже подделывал.

Молчан стиснул губы. Сегодня в связку вошли семеро: Варвара, Ясна, Ратибор, Устин, Береста, Молчан и Олеш. По правилу, принятому накануне, родственников брали не для уговоров, а для проверки последствий. Каждый заранее согласился: заблудившийся может отказаться говорить при близком человеке, и тогда тот отойдёт за длину верёвки.

Толстая пенька соединяла пояса. Кроме неё Ясна несла три мотка тонкой мерной нити. Один конец каждого остался у межи в руках свидетелей. Никто не верил, что нить выведет обратно, если лес сменит тропу. Она отмечала другое: снаружи ждут, внутри идут, обе стороны знают о другой.

Красная нить привела к первой яме и оборвалась над чёрной водой.

На поверхности плавал деревянный челнок.

Олеш рванулся вперёд. Верёвка дёрнула Варвару в пояс, Ратибор упёрся ногами.

— Это её.

— Откуда знаешь? — спросил Устин.

— Я вырезал. Видишь щербину? Она уронила его в первую зиму, когда мы жили у моей матери.

Вода была глубиной по колено, но дно старой ямы могло провалиться. Ратибор лёг на живот, обвязал запястье второй верёвкой и дотянулся багром. Челнок вышел из воды тяжёлый, обвитый зелёной тиной.

Внутри лежали три жёлтых листа и комок шерсти.

— Не её работа, — сказал Олеш. — Она не кладёт шерсть в мокрый челнок.

— Значит, оставила как знак, — сказала Ясна.

На одном листе ногтем процарапали птицу. На другом — четыре вертикальные черты. Третий был пуст.

Устин раскрыл книгу зарок.

— Не ищи цену, — предупредила Варвара.

— Ищу знаки ткачей.

— Она могла знать цеховой знак?

— Птица означает сохранённый рисунок. Четыре черты — основа на четыре нити.

Пустой лист — рисунок, которого человек не помнит.

Олеш выхватил лист.

- Марена не знает ваших знаков.
- Её мать выходила из леса двадцать лет назад.
- Рука Олеша опустилась.
- Она никогда не рассказывала.
- Могла показать дочери.
- Или лес показал, — сказала Ясна.

Над водой качнулся пар. На противоположном краю ямы появилась женщина. Сначала Варвара увидела только красную юбку, потом руки, поднятые к невидимому стану. Женщина перебирала пальцами воздух, и вслед за движением между деревьями натягивались светлые нити.

- Марена! — крикнул Олеш.
- Женщина не повернулась. Её пальцы двигались всё быстрее.
- Устин закрыл книгу.
- Не подходите. Это показ.
- Она живая.
- Возможно. Но между вами вода, которой минуту назад не было.
- Олеш позвал снова. Марена остановила правую руку. Левая продолжала перебирать нити. Потом лицо повернулось к ним, а руки остались обращены к лесу.
- Олеш?
- Я здесь.
- Скажи, что было в горшке.
- Он растерялся.
- Каком?
- На печи перед уходом.
- Пшённая каша.
- Неправда.
- Женщина снова отвернулась.
- Олеш побледнел.
- Там была каша.
- Для тебя, — сказала Варвара. — А что ещё?
- Не знаю.
- Ясна вспомнила первой:
- Краситель. Марена собиралась доварить кору ольхи.
- Соль кончилась, — добавил Олеш. — Она сказала, без соли цвет уйдёт в бурый.
- Марена повернулась полностью.
- Настоящие.

Светлые нити упали. Чёрная вода между ними заросла мхом, будто яма высохла за один вдох. Варвара не стала проверять ногой прежнее дно. Обошла круг по краю, ведя связку за собой.

Марена стояла у корня выше человеческого роста. На нём светились узлы. Одни были крохотными, с горошину, другие тянулись вдоль коры, как затянувшиеся раны. Свет проходил под древесиной от одного к другому. Когда Марена поднимала руку, несколько узлов отвечали слабым мерцанием.

Вокруг её ног лежала красная нить. Она образовывала не круг, а прямоугольник размером с ткацкий стан.

Олеш шагнул через неё.

Корень ударил из земли без предупреждения. Варвара успела дёрнуть мужа Марены назад. Дерево рассекло воздух у его колена и застыло поперёк границы.

— Не входи, — сказала Марена. — Он думает, что ты станешь держать другую сторону основы.

— Стану. Вместе выйдем.

— Ты не слышал вопрос.

— Услышу.

Марена покачала головой. Волосы были спутаны, на щеке засохла кровь, но стояла она твёрдо. Возле корня лежала корзина с половиной полотна. Нити основы уходили не в ткань, а прямо в кору.

— Сколько ты здесь? — спросила Береста.

— Три сна. Может, один. Свет не меняется.

— Ела?

— Орехи. Пила из листьев.

Береста достала хлеб и бурдюк.

— Вода не обмен, — сказал Устин, прежде чем перебросить их через красную нить. —

Мы записали это при свидетелях.

Марена поймала бурдюк.

— Раньше было иначе?

— Раньше это зависело от старшего.

— А теперь?

— Теперь записано, что не зависит.

Она выпила три глотка и села у корня. Хлеб не тронула.

— Кто ещё с тобой был? — спросила Варвара.

— Велена. Потом тропа разделилась. Я слышала Тиша, но он называл меня матушкой.

Значит, не он.

— Боривоя?

— Слышала молот. Здесь всё слышит молот.

Молчан отвернулся к деревьям. Ратибор положил руку ему на плечо, не утешая и не обещая.

— Какой вопрос задал лес? — спросила Варвара.

Марена показала на недотканное полотно.

— Велел закончить.

— Это не вопрос.

— Здесь всё вопрос. Если я заканчиваю ряд птиц, он спрашивает, что позволило мне их повторить. Если беру красную нить, показывает свадебное полотенце. Если белую — пелёнку Ярки. Если пытаюсь встать, нить вокруг ног затягивается.

Олеш опустил на колени у границы.

— Что ты собиралась отдать?

— Ничего.

— Но чтобы выйти.

— Я сказала: ничего.

Красная нить у её ног шевельнулась. Не стянулась — только напомнила о себе.

— Имеешь право, — сказала Варвара.

Устин посмотрел на неё, но промолчал.

— Тогда зачем вы пришли? — спросила Марена.

Вопрос был справедлив. Варвара могла принести пищу, сведения и возможность выбирать. Не могла принести выход без цены.

— Чтобы ты не решала голодной и одна. Чтобы рассказать, что известно о последствиях. И услышать твой отказ, если ты его сохранишь.

— До весны?

— Возможно.

Олеш резко поднялся.

— У нас Ярка дома. Ей пять лет. Ты не можешь ждать до весны.

Марена посмотрела на него так, что он замолчал.

— Я не могу или тебе страшно?

— И то и другое.

— Тогда не называй это моим выбором.

Варвара велела Олешу отойти за длину верёвки. Он хотел спорить, но сам согласился с правилом у межи. Ратибор отвязал его от общей связки только после того, как Олеш привязался к отдельной сосне. Он остался в виду, однако слов уже не разобрал.

Марена выдохнула.

— Он добрый. Но когда боится, начинает строить мне жизнь, как лавку.

— Кто должен говорить с тобой о ремесле? — спросила Варвара.

— Ткач. Не муж. Олеш видит готовое полотно и думает, что один узор можно вынуть без следа.

— Ткача в связке нет.

— Есть книга?

Устин поднял деревянный том.

— Есть чужие случаи.

— Читай без имён.

Он рассказал о трёх утратах, которые слышали на открытом приёме. Марена задавала вопросы точнее Олеша. Женщина, потерявшая счёт нитей, могла ли считать деньги? Мог ли мужчина, забывший натягивать основу, завязывать сети? Узнавала ли третья ткачиха собственные старые рисунки после того, как лишилась способности повторять их по памяти?

На первые два вопроса книга отвечала. Счёт денег сохранился, потому что ткачиха считала нити не числами, а движениями пальцев. Сети мужчина вязал, но натягивал их другой человек. На третий ответа не было.

— Почему не проверили? — спросила Марена.

— Семья уехала, — сказал Устин.

— Или не захотела снова рассказывать цеху?

— Этого книга не знает.

Марена потрогала незаконченную птицу.

— Мой свадебный узор придумала мать. Я изменила крыло, когда вышла за Олеша. Для Ярки добавила третье зерно в колос. Если отдам умение ткать его, что исчезнет? Движение? Память матери? Способ добавить своё?

— Не знаем, — сказала Варвара.

— Тогда это не малая цена.

Узел над её головой вспыхнул. В коре проступил ряд птиц — сотни светлых крыльев, наложенных друг на друга.

Марена отдёргнула руку.

— Он слышал.

Устин шагнул к границе.

— Скажи, что оставляешь умение себе.

— Я оставляю его себе.

Свет ослаб, но не погас. Красная нить вокруг ног стала короче на ладонь.

— Почему не отпустил? — спросила Ясна.

— Потому что она назвала слишком многое внутри одного узора, — ответил Устин. — Лес различает части.

— Или потому что показ ещё не закончен, — сказала Марена. — Смотрите.

Она подняла белую нить. Корень показал детскую рубашку с узкой каймой. Марена назвала умение рассчитывать узор так, чтобы он сошёлся на маленьком рукаве. Потом взяла синюю — появился знак, по которому она узнавала полотно своей ученицы. Каждая нить открывала отдельное действие, хотя дома всё называлось одним ремеслом.

Ясна записывала вопросы, не названия: «Что узнаёшь? Что повторяешь? Что придумываешь? Что считаешь пальцами? Что исправляешь без распускания?»

— Лес делает то же, что книга, — сказал Молчан. — Делит ремесло.

— Нет, — возразила Варвара. — Книга делит, чтобы советовать. Лес делит, чтобы получить точную цену.

— Какая разница для рук?

— В том, кому нужна точность.

Устин услышал, но спорить не стал. Он следил за узлами. Один из них светился только тогда, когда Марена касалась края полотна.

— Что ты делаешь там? — спросил он.

— Проверяю кромку.

— Рукой или глазами?

— Обоими.

— Что находишь?

— Где нить перетянута. Если оставить, полотно поведёт после стирки.

— Кто ещё умеет?

— Моя ученица различает глазами. Пальцами пока нет.

— Если потеряешь это, сможешь ткать?

— Смогу. Медленнее. Придётся мочить край и смотреть, как он сохнет.

— Память семьи связана?

Марена задумалась.

— Нет. Мать проверяла зубами. Я сама научилась пальцами, когда родилась Ярка и нельзя было шуметь станом по ночам.

Красная нить ослабла. Один узел на корне загорелся ясным жёлтым светом.

Олеш издали увидел и закричал. Слова не дошли, но Марена поняла их без звука.

— Он думает, я согласилась.

— Ты согласилась? — спросила Варвара.

— Нет. Я только нашла умение, без которого, может быть, проживу.

— Тогда оставь решение до утра.

— А тропа приведёт вас снова?

— Не обещаю.

Марена посмотрела на хлеб, книгу, мужа у сосны и полотно, которое лес заставлял заканчивать.

— Если я останусь ещё на ночь, Ярка будет думать, что я умерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.